

ЗАКОНЧИЛАСЬ Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира, происходившая в Стокгольме с 5 по 9 апреля. Сессия выразила единую волю миролюбивых народов, требующих разоружения и запрещения оружия массового уничтожения.

Ниже публикуются тексты принятых сессией документов.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 44 (3545)

Четверг, 12 апреля 1956 г.

Цена 40 коп.

Решения Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира

Призыв к мировому общественному мнению

Все человечество стремится к разоружению.

Гонка вооружений никогда не порождала ничего, кроме нищеты и неуверенности; она всегда приводила лишь к войне. В настоящее время наличие оружия массового уничтожения еще более усугубляет эту опасность. Оно поддерживает подозрительность в международных отношениях.

Однако после многолетней напряженности в отношениях между великими державами установилась новая атмосфера. Их позиции в вопросе о разоружении сближаются. Отныне достижение согласия между ними зависит от общего усилия, направленного к примирению.

Мировая общественность будет повышать свою бдительность и усиливать свою борьбу до тех пор, пока не добьется всеобщего разоружения и полного запрещения производства и применения атомного и термоядерного оружия.

Надлежащие меры контроля должны быть приведены в действие одновременно и на каждом этапе. Никакие трудности технического характера не в состоянии этому воспрепятствовать.

На этом пути должны быть заключены первые соглашения, которые будут благоприятствовать переговорам о международной конвенции по разоружению:

- вооружения и вооруженные силы всех стран, начиная с великих держав, должны быть сокращены по общему соглашению до установленного уровня;
- торговля оружием должна быть поставлена под строгий контроль Организации Объединенных Наций;
- должны быть прекращены испытания ядерного оружия, которые вызывают глубокую тревогу в сознании человечества.

Любой прогресс в области разоружения будет содействовать урегулированию не только проблем, не получивших еще мирного разрешения, как, например, проблемы Германии, но и всех разногласий, угрожающих миру в ряде районов земного шара.

Любой прогресс в области разоружения облегчит бремя военных бюджетов, дающее на экономику государств, и повысит общий уровень жизни. Он поможет разрешить жизненно важные проблемы, от которых зависит благосостояние, достоинство народов — больших и малых.

Общественное мнение всех стран решающим образом способствовало эволюции в направлении мира и ослабления международной напряженности.

В настоящее время появились признаки, предвещающие подлинное мирное сотрудничество между государствами.

Во власти народов превратить в действительность эти надежды на будущее.

Они вправе обратиться к своим правительствам и потребовать от них конкретных действий в области разоружения.

Они приблизят, таким образом, час, когда человечество, освобожденное от угрозы и страха, всецело посвятит себя великим мирным творениям.

СТОКГОЛЬМ, 9 апреля 1956 года.

Телеграмма Подкомитету Комиссии ООН по разоружению

Всемирный Совет Мира от имени своих членов и приглашенных участников Чрезвычайной сессии в Стокгольме приветствует Подкомитет Комиссии ООН по разоружению и выражает свое твердое убеждение в том, что соглашение в области разоружения осуществимо.

Выдвинутые планы и надежды, вызванные Советанием Глав правительств в Женеве, возродили веру сотен миллионов людей.

Нынешнее ослабление международной напряженности приводит общественное мнение к мысли о том, что соглашение может и должно быть достигнуто уже на нынешней сессии Подкомитета Комиссии ООН по разоружению, по крайней мере, по некоторым вопросам.

Всемирный Совет Мира призывает Подкомитет по разоружению оправдать эти великие надежды.

Весь мир ожидает первых мер в области разоружения. Такие меры будут способствовать укреплению взаимного доверия между народами и правительствами, они сделают возможным подлинное международное сотрудничество.

СТОКГОЛЬМ, 9 апреля 1956 года.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Международное положение характеризуется прогрессом в области ослабления напряженности.

Во всех странах и в различных слоях общественного мнения единодушно отмечают, что прекращение гонки вооружений должно явиться первым шагом на пути к восстановлению доверия и сотрудничества между всеми государствами.

Всемирный Совет Мира не считает, что только он выражает это требование общественного мнения. Другие крупные организованные силы, политические партии, профессиональные, культурные и иные организации и все религии высказываются за разоружение. Именно согласованная деятельность всех позволяет рассчитывать на Западе и на Востоке надежде, оказывающей еще влияние на действия и отношения всех правительств, а также приведет к заключению первых соглашений о разоружении.

Эта деятельность требует эффективной связи между нашим движением в защиту мира и всеми пацифистскими организациями, политическими партиями, профсоюзами, церквями и религиозными организациями и движениями и всеми моральными силами, действующими, представляющими самые различные течения.

Годы холодной войны сделали до сих пор эту связь с некоторыми из них невозможной; ослабление напряженности открывает сегодня перспективу совместных действий.

Всемирный Совет Мира поручает своему Президиуму установить необходимые контакты для того, чтобы совместная деятельность на основе равенства и взаимного уважения принесла, наконец, миру доверие, разоружение и международное сотрудничество.

СТОКГОЛЬМ, 9 апреля 1956 года.

Декларация по экономическим, социальным и культурным вопросам

Гонка вооружений является в настоящее время главным препятствием к обеспечению всеобщего благосостояния. Если бы народы добились от правительства всеобщего соглашения о разоружении, то это привело бы к благоприятным результатам для блага и счастья людей.

Освобожденные таким образом огромные ресурсы могли бы быть использованы для устранения нищеты и для повышения уровня жизни всех людей. Не существовало бы больше ни страха, ни голода. Богатства не отвлекались бы от их естественного назначения.

Люди смогли бы, наконец, посвятить себя присущей им миссии: созданию материальных благ и моральных, духовных и культурных ценностей.

Все средства, используемые в настоящее время на военные цели, позволили бы, например, обеспечить лучшим образом здравоохранение, построить больше больниц, больше домов и более удобных жилищ, открыть бесплатные школы для всех детей и сократить налоги.

Большое содействие было бы оказано научным исследованиям.

Следовало бы распространять полезные и недорогие книги, чтобы бороться за повышение культурного уровня и способствовать возникновению атмосферы взаимопонимания и взаимного уважения между народами.

С другой стороны, часть освобожденных средств можно будет направить на создание международного фонда для прогресса слаборазвитых стран в условиях уважения их суверенитета и их политической и экономической независимости.

Соглашение о разоружении устранило бы ограничения, препятствующие в настоящее время свободе обмена материальными ценностями, идеями и людьми.

СТОКГОЛЬМ, 9 апреля 1956 года.

Декларация по вопросам атомной энергии

Открытие атомной энергии значительно усилило как надежды, так и опасения человечества. Со времени состоявшейся в 1955 году в Женеве конференции «Атомы для мира» человечество узнало, что эра процветания не является более для него далекой мечтой и что это процветание может в скором будущем стать действительностью. Тем не менее большая и гораздо большая часть научных усилий и материальных средств, направляемых на развитие атомной энергии, сегодня еще служат подготовке к войне.

Самое малое ядерное оружие уже способно вызвать десятки тысяч жертв. Недопустимо проводить какое-либо различие между стратегическим и тактическим оружием: для устранения наших опасений и осуществления наших надежд необходимо запрещение всех видов ядерного оружия. Народы всего мира горячо желают действительного соглашения между правительствами по этому поводу.

Прекращение опытных взрывов явилось бы немедленной осуществимой мерой, о чем может быть достигнуто соглашение. Эти взрывы могут быть зарегистрированы быстрым и надежным способом, и, следовательно, больше не встает проблема контроля. Такое соглашение создало бы атмосферу доверия и облегчило бы достижение в дальнейшем более полного соглашения.

Контроль над атомным разоружением возможно осуществлять с достаточной приближенностью, для того чтобы можно было без всякого риска в значительной мере уменьшить атомную угрозу. Продолжение нынешней гонки вооружений представляет намную большую опасность для человечества. Подлинный прогресс в области разоружения укрепит доверие и контроль, станет одновременно более детальным и более действенным.

Пока существует гонка атомного вооружения, всякие усилия в сотрудничестве в области исследований и их мирного использования будут затруднены, ибо всегда будет существовать подозрение, что они могут быть направлены на военные и политические цели.

Следует решительно поощрять культурный обмен между государствами, международные встречи ученых, подобные той, которая состоялась в Женеве, сотрудничество в существующих международных научно-исследовательских институтах и вытекающее из него постепенное уничтожение научной тайны, но все это достигнет полного расцвета лишь при осуществлении разоружения.

Уже теперь надлежит создать условия, позволяющие содействовать атомному промышленному развитию всех государств, которые в этом нуждаются, без всяких попыток подчинить их политическому или военному влиянию. Международное атомное агентство ООН должно было бы стать важным элементом этого сотрудничества.

Все народы должны добиваться того, чтобы использование атомной энергии для созидательных целей стало действительностью в мире, освобожденном от страха.

СТОКГОЛЬМ, 9 апреля 1956 года.

Рекомендации национальным движениям сторонников мира

Движение сторонников мира считает своей главной задачей борьбу за разоружение, являющееся сегодня общей целью миллионов мужчин и женщин, принадлежащих к самым различным общественным течениям.

Крупные организованные силы в различных странах, политические партии, религиозные, профессиональные, культурные и иные организации положительно высказываются в отношении этой центральной и актуальной проблемы. Всемирный Совет Мира отмечает значение этих миролюбивых сил в борьбе за разоружение и их вклад в общее дело. Успех этого дела зависит в настоящий момент от сотрудничества всех тех, кто его защищает в национальном и международном масштабе.

Всемирный Совет Мира со своей стороны желает сотрудничать со всеми силами, выступающими за разоружение, независимо от разногласий, которые могут существовать в других областях. С этой целью он рекомендует всем национальным движениям сторонников мира внимательно изучить возможности, открываемые новыми условиями, искать соответствующие методы и средства деятельности, проявлять инициативу с тем, чтобы обеспечить сотрудничество со всеми миролюбивыми силами.

Каждому национальному движению сторонников мира надлежит развивать свои собственные формы деятельности, чтобы обеспечить решающий размах и эффективность всенародной кампании за разоружение.

Эта деятельность должна быть направлена на разъяснение общественному мнению гонимых последствий гонки вооружений, вытекающих из разоружения. Эта деятельность должна быть направлена также на то, чтобы обеспечить пути и средства постоянного и конкретного выражения общественного мнения во всех возможных формах: петиции, обращения к выборным органам, проведение дней и недель разоружения и т. д.

Для содействия развитию этой кампании и созданию атмосферы доверия, необходимой для ее успеха, Всемирный Совет рекомендует национальным движениям применять уже испытанную форму действий, изменяя и превращая ее в еще более могучее оружие борьбы за мир: обмен между странами. Этот обмен может способствовать взаимной информации, сопоставлению идей, взаимному пониманию и содействию, таким образом, установлению атмосферы доверия и дружбы между народами. Этот обмен может принимать форму прямых контактов между странами, региональных встреч, посвященных определенной проблеме, а также обмена делегациями, организуемого сторонниками мира и широко открытого для всех социальных слоев.

Развертывая свою деятельность и проявляя инициативу для того, чтобы содействовать сотрудничеству всех миролюбивых сил, каждое движение сторонников мира может внести все возрастающий вклад в дело разоружения.

СТОКГОЛЬМ, 9 апреля 1956 года.

Молодые строители встретились в Кремле

Тысяча восьмисот юношей и девушек, которые представляют более двух миллионов молодых строителей, воздвигающих на необъятных просторах нашей страны новые города, гиганты индустрии, электростанции, шахты, совхозы, школы, дома культуры, встретились в Большом Кремлевском дворце.

На Всесоюзное совещание молодых строителей собрались машинисты экскаваторов, бетонщики, каменщики, плотники, маляры, штукатуры, рабочие заводов строительных материалов, производители работ, инженеры...

Они приехали из дальних, давно обжитых районов, где за все годы существования нашего государства не прекращалась стройка. Они прибыли сюда и с циннами — не только сельскохозяйственной, но и угольной, нефтяной, железорудной, где своим трудом вызывают они к жизни джелезнодорожные магистрали Сибири, Казахстана, Дальнего Востока. Перед нами возникает облик нашего молодого строителя, носителя великодушных традиций и опыта, накопленного за годы минувших пятилеток.

От первой — к шестой. Как много пройдено за эти годы!

Борис Горбатов в повести «Непокоренные» создал образ строителя, человека горячей крови. Помните? Не усталый и большой солдат бредет с фронта, а идет человек, чувствующий, «как у него начинают нетерпеливо гудеть руки». Он тоскует по труду, думает о работе — работы-то сколько, работ!

«...Это шел строитель. Жадный. Нетерпеливый. Жадный к труду, нетерпеливый в своем стремлении поскорее увидеть результаты труда. Таким и предстает сегодня перед нами строитель — создатель новой строительной техники, творец новых машин, механизмов, инструментов, предназначенных для того, чтобы воздвигать заводы и дома быстрее, лучше, дешевле, добротнее.

Когда узнаешь сегодня, что комсомолец взял шефство над строительством Братской ГЭС, когда смотришь на молодых строителей новой пятилетки, вспоминаешь «Время, вперед!» Валентина Катаева — хронику создания Магнитогорского завода. Вспоминаются молодые строители Магнитогорска, те, для которых «бригада уже становилась семьей».

Эти люди — наши знакомые, все они товарищи, братья и сестры. «Время летело сквозь них. Они менялись во времени, как в походе...» Хорошо сказано: время летело сквозь них, и они менялись во времени! И это изменение людей более значительно, чем изменения в самой технике строительства.

Вспоминается сентябрьский вечер сорок седьмого года, когда строители Запорожского соболия отразившего рождение сталинского листа. В конце шумного чествования героев восстановления «Запорожстали» поднялся начальник строительства и весело бросил в зал клич:

— Товарищи магнитогорцы, встаньте!

Начальник стройки в годы первой пятилетки был рядовым сварщиком на площадке Кузнецкострой, а во время войны уже управлял строительным трестом в Магнитогорске. Своим призывом, брошенным в зал, он подчеркивал преемственность традиций большого индустриального строительства в нашей стране и связь поколений строителей между собой. И здесь, на площадке у берегов Днепра, поднялся каждый третий из находившихся в зале.

Разговор об опыте и о знаниях, направленных на осуществление великого плана работ шестой пятилетки... — центральная тема Всесоюзного совещания молодых строителей. Только опыт и знания помогли комсомольцу Михаилу Стрекозову и таким же, как он, молодым людям, которым он руководил, забетонировать на строительстве Сталинградской ГЭС раньше срока огромный блок объемом почти в шесть тысяч кубометров. Знания и опыт отличают всех участников комсомольско-молодежных бригад Фалалева, Богачева, Афанасьева — участников социалистического соревнования на строительстве Сталинградской ГЭС. Так и каждый участник совещания, несмотря на свою молодость, имеет богатый опыт и у каждого есть что рассказать товарищам.

Грандиозная картина работ, намеченных шестым пятилетним планом, предстала перед глазами молодых строителей, участников совещания, в докладе заместителя Председателя Совета Министров Союза ССР тов. В. А. Кучеренко. Всюду, где идет строительство, трутятся молодые рабочие и работницы, архитекторы и инженеры.

Побывайте на новых стройках, и вы увидите, как сегодня здесь все отличается от прежних методов работы. Конструктивные элементы зданий делаются из сборного железобетона. Для перекрытия пролетов используются составные балки с предварительно напряженной арматурой. Из сборного железобетона делаются мачты, шпи-

Тянутся к знаниям, жадно вбирает крупицы опыта молодой строитель. Ему нужно дать больше книг, учебников, пособий — хороших и разных. Около семисот учебных заведений трудовых резервов готовят свыше ста тысяч молодых строителей — от рабочих массовых профессий и до мастеров-искусников, специализирующихся на тончайших отделочных работах. И кроме того, на десятках и сотнях строительных площадок шестой пятилетки происходит непрерывное, упорное обучение и переобучение юношей и девушек, овладевающих все новыми и новыми высотами строительной техники.

И когда наблюдаешь эту тагу молодых строителей к красивой и плодотворной работе, огорчительно видеть то невнимание к молодежи, которое обнаруживают иные, с позволения сказать, «организаторы», не дающие молодым людям возможности проявить себя, повысить квалификацию, благоустроить быт. Эти последние строки относятся к трестам Карагандашахтострой, Башуглеразрестрой, Ворошиловской, Орскметаллургострой, Тагилострой. Здесь старшие не утруждают себя заботой об улучшении условий труда и быта молодых.

Каждому молодому человеку, приходящему на стройку шестой пятилетки, нужно помочь стать квалифицированным рабочим, чтобы он любил свое дело. Каждому молодому строителю должны быть обеспечены культурные условия труда и быта. Люди, создающие новые дома, клубы, школы, должны иметь и для себя хорошее жилье, светлый клуб, просторную школу — это одно из важнейших условий плодотворной работы, отличной учебы, разумного отдыха. И об этом шел серьезный разговор на совещании в Кремле. Тов. В. А. Кучеренко сообщил участникам совещания о том, что за два года намечено обеспечить основные кадры строителей жилой площадью в благоустроенных домах, что для детей строителей будут сооружены детские сады и ясли.

Молодой строитель сегодня часто произносит слова: «экономию», «себестоимость», «сроки». В новой пятилетке поставлена перед всеми строителями — и перед молодежью в том числе! — задача снижения стоимости строительно-монтажных работ не менее чем на семь процентов!

Неудивительно та тревога, которая чувствовалась в словах бригадира комсомольско-молодежной бригады треста «Мостстрой» № 1 тов. Затворниченко, киевского машиниста башенного крана тов. Алымовой, тов. Веселова с площадки Куйбышевгидрострой и других, рассказавших о простых механизмах, о том, что подчас оборудование, оцениваемое в миллионы рублей, лежит мертвым грузом. В их выступлениях отражалось святое чувство беспокойства за общее дело — чувство, всегда присущее строителю в нашей стране.

А сроки строительства? На XX съезде Коммунистической партии приводились цифры и факты, свидетельствующие о том, что в угольной промышленности, например, более половины объектов пребывает «в стадии строительства» от семи до двадцати лет вместо двух-четырех лет. Может ли примириться с таким положением молодой строитель? Вряд ли захочет он начать стройку юношей и присутствовать на торжестве пуска, будучи дедом!

В настоящее время разработаны и утверждены обязательные нормы продолжительности строительства. За качество, за темпы, за сроки, за сниженную себестоимость, за сумму всех мероприятий, которые позволят полностью и в срок выполнить огромный строительный план шестой пятилетки, будет воевать вся более чем двухмиллионная армия молодых строителей.

Вчера в работе совещания приняли участие руководители партии и правительства. С большой речью, тепло встреченный присутствующими, выступил первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Н. С. Хрущев.

Не может не проникнуться сегодня молодой строитель сознанием важности и серьезности заданий, которые поставлены перед ним страной. Друг молодой Михаил Иванович Калинин, в словах которого всегда чувствовалась поэзия труда, высказал однажды участникам школ трудовых резервов свое сокровищное желание:

«Я хотел бы, чтобы у вас скорее зародилась профессиональная гордость, а это высокая гордость. Если ваши отцы были хорошими рабочими, так вы должны быть во всяком случае не хуже их».

Пусть же всегда помнит эти слова молодой строитель, борющийся за торжество шестой пятилетки, вооруженный совершенными машинами, механизмами, опытом и имеющий все для того, чтобы решить любую строительную задачу.

А. ЛИТВАК

У МЕТАЛЛУРГОВ «ДЗЕРЖИНКИ»

«Дзержинка» — так любовно называют свое предприятие работники завода имени Дзержинского в Днепропетровске. Это старейший металлургический завод Украины и один из крупнейших в СССР. Сталь мартов и бессемеров «Дзержинки» — высшего качества. Проект «Дзержинки» — это тяжелые рельсы для железнодорожных магистралей, это фермы мостов, конструкции многоэтажных зданий. Металлический каркас трибуны спортивного стадиона, строящегося на Лукьянках в Москве, монтируется из полусового проката «Дзержинки».

«Дзержинка» продолжает строиться. С каждым годом она наращивает мощность своих основных цехов, осмещает новую технику, повышает технический уровень производства. Сейчас заканчивается сооружение еще одной доменной печи.

Завод имени Дзержинского — огромная лаборатория металлургического производства. Он тесно связан с работниками науки и научно-исследовательскими учреждениями. Совместно с ними работники завода только за один прошлый год выполнили тридцать научно-исследовательских работ общесоюзного значения.

Одной из научно-исследовательских работ, ведущейся в настоящее время, руководит кандидат технических наук инженер М. Байлинов, который занят в мартовском цехе в момент взятия пробы стали в бригаде сталевара С. Евдокимова (левый снимок).

В работе завода большую роль играют изобретатели и рационализаторы. В прошлом году в производство внедрено больше тысячи рационализаторских предложений, давших одиннадцать с половиной миллионов рублей экономии. Новаторы — постоянные посетители технической библиотеки завода, располагающей значительным фондом разнообразных изданий по вопросам техники. Сейчас в библиотеке насчитывается 93,500 книг. Сцена, изобретенная на среднем снимке, обычна для заводской технической библиотеки. Здесь всегда многолюдно.

Управление доменным процессом автоматизировано. У одного из пультов управления наш корреспондент заснял горнового Н. Тараскина, зашедшего сюда, чтобы передать диспетчеру завода срочное сообщение (правый снимок). Печь, на которой работает Н. Тараскин, дала в прошлом году около десяти тысяч тонн сверхпланового чугуна.

Фото А. Узяна

УВАЖАЕМЫЙ Николай Николаевич!
XX съезд КПСС в Директивах по шестому пятилетнему плану обратил особое внимание на развитие кино как наиболее массового искусства и установил контрольные цифры производства фильмов; к концу пятилетия работники кино должны выпустить не менее 120 полнометражных картин в год, из них до сорока картин падает на долю «Мосфильма». Примерно столько же картин производил советская кинематография до Отечественной войны.

ДВИНУТЬ В ПЕРЕД ТЕХНИКУ КИНО!

Открытое письмо заместителю министра культуры СССР тов. Н. Н. КАЛМЫКОВУ

труд съемочной группы и особенно актеров и осветителей непусто ухаживают.

Но будет преувеличением сказать, что дуговой свет стал бичом нашего производства, что производительность труда наших съемочных групп падает на 25—30 процентов только из-за дугового света, что дуговой свет резко ухудшает и качество картин: фотонаглы «запущены» шипением углей, оператор лишен возможности свободно маневрировать приборами, а главное, актеры, жмученные жарой, духотой и бесконечными поправками света, работают значительно ниже своих возможностей, работают в обстановке, которая полностью противопоказана их творческому труду. Кроме того, им приходится форсировать голоса, чтобы снизить относительный уровень шума, тем самым они лишаются основных преимуществ актерской работы в кино, лишаются возможности тонкой нюансировки речи, полутонов, мягкости и правдивости игры перед аппаратом.

Цветные картины ныне во всем мире снимаются на цветной пленке чувствительностью около двух тысяч градусов, приспособленной к полуваттному свету. Эта пленка дает возможность снимать в абсолютной тишине с небольшими источниками света. Качество изображения резко улучшается, времени тратится во много раз меньше. При такой пленке оператор может быстро установить необходимый ему полуваттный свет, заботясь только о его художественной выразительности. Полуваттные приборы включаются и выключаются автоматически, не меняют силы света, не выделяют вредных газов, не шумят, не требуют поправки и смены углей.

Наша пленочная промышленность в свое время освоила пленку для полуваттного света типа «ДН», но почему-то, кроме первой опытной партии, не освоила массового ее производства в должном качестве. Выпущенные позже опытные партии пленки типа «ДН» имели недопустимо низкую чувствительность, что сводило на нет все ее преимущества, ибо приходилось заливать декорации огромными, нестерпимыми количествами света. Да просто места не хватало для десятков приборов!

Кроме того, эти опытные партии пленки типа «ДН» обладали низкими фотографическими свойствами. Именно поэтому большинство операторов решительно отказались работать на этой пленке.

Следует добавить, что к негативной пленке нужна соответствующая позитивная («пара»). Эта «пара» тоже не создана.

Наша черно-белая пленка неоднородна по фотографическим свойствам, контрастна, недостаточно прозрачна, она дает плохую проработку в тенях, не передает полутонов, не обладает достаточной шириной и чувствительностью, имеет механические дефекты, словом, она не художественна. Эта пленка не приспособлена для тонких и точных эффектов.

Уважаемый Николай Николаевич! Вы — заместитель министра культуры СССР, Вам непосредственно подчинена кинопромышленная промышленность, Научно-исследовательский кинофотоинститут (НИКФИ), все заводы киноаппаратуры; Вы отвечаете за технику кинематографии, за ее развитие в шестой пятилетке. Мы не сомневаемся, что Вы полны решимости выполнить Директивы по шестому пятилетнему плану. В них говорится о внедрении новой техники, о техническом прогрессе как важнейшей задаче, стоящей перед всеми отраслями промышленности СССР.

Мы, работники киностудии «Мосфильм», не ставим перед Вами утопических или невыполнимых задач. Мы требуем только, чтобы наша кинопромышленная и киномеханическая промышленность обеспечивала производство киноаппаратуры шестой пятилетки на уровне нормальных современных требований.

Нам нужны съемочные камеры нескольких типов, и хорошие микрофоны, и бесшумные лихтвенты, и синхронные магнитофоны. Нам нужны новые прожекторы и печатные машины улучшенных конструкций, разнообразные операторские краны. Но прежде всего нам нужна пленка, стоящая на уровне современных требований. Если бы у нас была эта пленка, мы могли бы уже в этом году снять не 20 картин, а больше, и притом на более высоком художественном уровне.

Положение в киноленте мы считаем нетерпимым. Если бы перед работниками кинопромышленности поставили задачу создания высококачественной пленки «ДН» и высококачественной черно-белой пленки так, как ставится в нашей стране важнейшие народнохозяйственные задачи, мы не сомневаемся, что необходимые сорта пленки были бы созданы в кратчайший срок. Одновременно не мешало бы поставить перед киномеханической промышленностью задачу оснащения студий современной кинотехникой.

Наша советская промышленность освоила электронные счетные машины, строятся мощные атомные электростанции, гигантские пилотроны, разрешаются сложнейшие технические и научные проблемы, впервые встающие перед человечеством, отменяющие новые вехи на его пути вперед.

Стыдно, что работники НИКФИ и кинолентной промышленности бесцельно опускают руки перед проблемой, которая уже решена в ряде стран.

От имени коллектива работников Московской ордена Ленина киностудии «Мосфильм» мы просим решительно изменить производственный процесс изготовления пленки и современных образцов киноаппаратуры.

Мы обязуемся на каждый успех кинолентной и киномеханической промышленности отвечать повышением уровня нашего производства, отвечать новыми, сверхплановыми картинами для нашего народа.

Режиссеры: Г. АЛЕКСАНДРОВ, А. ДОВЖЕНКО, Ю. РАЙЗМАН, М. КАЛОЗОВ.
Операторы: А. ШЕЛЕНКОВ, Э. ТИССЭ, Е. АНДРИКАНИС, Секретарь парткома киностудии «Мосфильм» В. АГЕЕВ.
Председатель фабкома Н. БУРОВ.
Председатель бюро творческой секции «Мосфильма» М. РОММ.

От РЕДАКЦИИ. Почти год тому назад, в июне 1955 года, в «Литературной газете» была опубликована статья М. Ромма, Э. Тисса, А. Шеленкова «Нельзя мириться с отставанием техники кино». В этой статье авторы указывали на серьезные проблемы в техническом оснащении киностудий, в частности, писали и о необходимости перехода с дугового света на полуваттное освещение, и о плохом качестве пленки, и

о недостатках камеры «Москва» и другой съемочной и звукозаписывающей аппаратуры. Однако, как видно из открытого письма работников «Мосфильма», справедливые претензии деятелей киноискусства остались без ответа.

Хочется надеяться, что Министерство культуры СССР учтет обращение работников кино и поможет, наконец, добиться серьезного перелома в работе киномеханической и пленочной промышленности.

В Алма-Ате состоялся первый концерт Государственного ансамбля песни и танца Казахской ССР. В его составе — 135 певцов и танцоров. В программе ансамбля — хорные кантаты, казахские народные песни и танцы, песни народов Советского Союза и стран народной демократии, вокально-хореографические композиции. Концерты тепло встречены зрителями. На снимке: театральная композиция на казахские народные темы «Девушки-лебеди».

Английская литература на украинском языке

КИЕВ. (Наш корр.). Среди произведений зарубежной литературы, издаваемых на Украине, значительное место занимают книги английских писателей. Они расходятся огромными тиражами, в сотнях тысяч экземпляров и тиражируются Робинзон Крузо, Д. Дефо только после войны вышли в количестве 150 тыс. экземпляров.

Одно издательство «Мистецтво» выпустило за последнее время двухтомник избранных произведений В. Шекспира, его «Комедии ошибок», пьесы Р. Шеридана, Б. Шоу.

Сейчас готовится к печати на украинском языке роман Ч. Диккенса «Тяжелые времена», сборник рассказов Джером К. Джерома, «Джентльмен Ш. Бронте», «Охотники» Д. Олдриджа, «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, «Маугли» Р. Киплинга, «Крестный Дорвард» В. Скотта, «Остров сокровищ» Р. Стивенсона.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Проработка по конкурсу

Редакция газеты «Черниковский рабочий» объявила конкурс на лучший рассказ, очерк, фельетон, стихотворение, отражающие жизнь родного города. Можно понять волнение молодых авторов: рукописи последние, а до рождения жюри еще далеко...

Посчастливилось лишь тем поэтам, стихи которых были оценены в газете еще задолго до окончания конкурса. Редакция опубликовала обзор стихов, вышедший из-под сурового пера товарища П. Печничева. «Большая требовательность!» — воскликнул критик в заголовке и обрушился на еще незрелые строки, написанные и присланные на конкурс из лучших побуждений.

Бегло шитуря и называя фамилии авторов, критик довольствовался и над «неточностью выражений, образов, рифм», и над «неясностью смысла» стихов (еще нигде не опубликованных!), и над «засорением их красивыми фразами». В заключение П. Печничев посоветовал не создавать «стишки на досуге».

В объявлении о конкурсе газеты напечатано: «В редакции организована консультативная для авторов». Что это за «консультативная», показывает обзор стихов. Вряд ли теперь кто-нибудь из черниковских поэтов рискнет отправить в свою газету стихи на конкурс. Не очень-то приятно вместо них увидеть в газете свою фамилию рядом со словами «неясность», «засорение», «стишки на досуге».

ПИСАТЕЛЬ В ГАЗЕТЕ

Еще не так давно в газетах из месяца в месяц появлялись подборки стихов, рассказов, очерков, отрывки из писем и целые литературные странички. Шла подготовка к Всесоюзному сессии молодых литераторов, и местная печать активно пропагандировала их творчество. Но вот совещание прошло, и не видно стало «литературных страничек» и подборок, изредка, разве к какой-нибудь дате, находится на газетной полосе место для писателя. Недовольный таким положением писатели, и особенно сами газетчики, и более всего недовольны читатели, упрекающие тех и других за однообразие, а порой и скуху газетных столбцов. Почему же так происходит?

На этот вопрос отвечаю письма, пришедшие к нам в редакцию после того, как была опубликована статья Б. Полевого «Лучшая школа литераторов» («Литературная газета» от 24 января с. г.). Автор статьи поделился с молодыми литераторами своими наблюдениями, как много может дать писателю будничная работа в газете. Этот вывод подтверждается всеми, кто откликнулся на статью Б. Полевого. В самом деле: журналистика — это не только отличная школа изучения жизни; газета требует от автора ясности мысли, точности ее выражения, емкости формы. Многословие — враг газеты. Не случайно Горький и Чехов начинали свой писательский путь с самой «черной», повседневной работы журналиста. «Вам, газетным работникам, часто приходится видеть непосредственные результаты своей борьбы», — сказал однажды Чехов. — «А этого счастья никогда не приходится испытывать даже самым выдающимся писателям-художникам...»

Работа в газете интересна и полезна писателю — это ясно всем. Но всегда ли газета готова работать с писателем, особенно молодым, всегда ли ей близки и дороги его творческие устремления?

«Во многих областных газетах, не говоря уже о районных, рассказы, художественные очерки, стихи, проблемные фельетоны с пренебрежением именуется «беллетристкой», — пишут нам из Калужской уездной Третьего всесоюзного совещания молодых писателей Н. Панченко и Б. Окуджава. — Для «беллетристики» устанавливается особая очередь. А сухие, шаблонные корреспонденции, стоящие на газетной полке, с годами в редакциях некоторых газет из талантливой молодежи «вырастают» порой этакими «специалистами», умеющие ухватить свежий фант, в течение часа продиктовать на машинку любую статью по любому поводу, но не способные творчески осмыслить увиденное, выйти за пределы частного случая.

Нам известен факт, когда два молодых литератора в разное время побывали в двух колхозах Калужской области, где встретились с председателями-тридцатилетними, позорными этого высокого звание. Явление возмутительное. О нем нельзя молчать. Но в областной газете на этот счет сложилось иное мнение: «Центральные газеты об этом еще не писали, — урезонивали молодых «старшие», — Нечего и нам высказываться, как бы чего не вышло...»

Конечно, газета, — продолжают авторы письма, — школа литератора. Больше того, — не подготовительная, а на всю жизнь! И это будет тем вернее, чем скорее шаблоны и перестраивающие будут исключены из «программы обучения».

Судя по письмам, с подобным положением молодые литераторы встречаются не только в Калуге. «В городе Камне-на-Оби при газете «Заря Алтая» существовала литературная группа, редакция которой в коллективном письме члена этой группы Б. Нелюбовского, А. Пачуя, И. Ошпенко, Н. Мишина, С. Лаптева. — Но давным-давно редакция не собирает литературу, не ведет с ней никакой работы, сваливая на занятость. По сути дела, редактор газеты тов. Шашкин считает руководство литературной группой обузой. Как-то привнесли мы в редакцию сатирические стихи. Тов. Шашкин прочитал эти стихи и сказал: «Что это вам вздумалось высывать районных руководителей? Сатиру молодым писать не нужно, поскольку сатирические произведения писал Крылов, а теперь пишет Михалков...»

А вот письмо из Молдавии. Его автор — секретарь редакции одной из районных газет В. Гифой. «Я только начинаю писать очерки, рассказы, маленькие рассказы. Два года назад на конкурсе республиканской молодежной газеты мой рассказ «Молодость» занял второе место. Я ждал, что участники конкурса вызовут в редакцию, побеседуют с нами, скажут доброе поучительное слово и сделают критические замечания. Но вскоре я получил денежный перевод, и этим все кончилось... Писал в ту же редакцию другой свой рассказ — ответил мне в четырех строчках, что рассказ не удался. Вот теперь и раздумываю: стоит ли еще посылать туда?.. Мне кажется, что главное в литературном конкурсе газеты — не премия. Пусть лучше, начекая удачного произведения, вызовут участников и глубоко проанализируют их творчество, помогут начинающим. Вот этой постоянной помощи и внимания не хватает иным редакциям».

Аналогичные примеры приводят в своих письмах Т. Рычова из Хабаровска, Л. Сидоренко из Сочи, москвичи П. Афанасьев и многие другие. Центральная мысль этих писем одна — далеко не всегда есть в редакциях газет готовность «повозиться» с начинающим очеркистом или поэтом, с человеком способным, но не имеющим опыта в литературе. Посылая короткий рассказ или очерк, молодой литератор ждет хотя бы лаконичного ответа, но ответа по существу: что хотела бы газета от своего внештатного корреспондента-литератора? «А чаще всего, — сетует в письме П. Казаков (ст. Гроднево Приморского края), — получаешь заметки на полях такого рода: «рыло», «шаман», «старое» «ни то, ни сего». Ведь, делая эти пометки, кто-то в редакции прочел рукопись, значит, мог бы собрать свои мысли и сформулировать общее мнение о прочитанном, о способностях автора, о заинтересованности в нем газеты. Так нет, отписаться оказалось проще и спокойнее, — ответственности меньше!»

Может быть, о местной газете нет реальной возможности всерьез поработать с литераторами, позаботиться об их творчестве, приняв на себя, скажем, руководство литературным объединением? Что это не так, видно хотя бы из следующего примера.

«Как-то у нас на совещании, — рассказывает работник военной газеты Н. Перевалов, — раздался голос: «Лично газеты — дело коллектива. У нас иногда серьезные, невзрачные лица. Где же очерки, стихи, рассказы? Газета может и должна объединить творческие силы литераторов. Ведь такие силы есть у нас и вокруг нас». Возникла идея создать при редакции литературное объединение. Вскоре заместитель редактора газеты В. Данилов смел открыто на первом собрании. В литературное объединение входят не только литераторы — сотрудники редакции, но и тяготеющие к творчеству военнослужащие. Есть у нас и люди невоенные. Двери ни для кого не закрыты... В газете стало появляться больше рассказов, очерков, стихов, песен. Конечно, далеко не все, что печатается, совершенно. Ведь это только школа творчества, в ней главное — учеба и труд».

В письме тов. Перевалова есть такая фраза: «Наша газета по отношению к литературному объединению стоит выше своих потребительских тенденций». Вот это хорошо!

Правы Н. Панченко и Б. Окуджава, когда пишут в своем письме: «Как достичь того, чтобы писатель, придя в газету, никогда из нее не ушел, — над этим следует поразмыслить, и не только поразмыслить, но и добиться практических результатов».

В этом и состоит вторая сторона проблемы, поднятой в статье Б. Полевого и подвальной читателями. Литературная молодежь в газете может многое почерпнуть, многому научиться. Но для этого не только сам литератор, но и газета должны быть постоянно и искренне заинтересованы в такой учебе, в таком взаимобогащении.

Заинтересованность литератора в газетном труде неизменна, ее исчерпывающе определил в одном из своих выступлений Константин Федин.

— Я убежден, — сказал он, — что молодому писателю очень полезна работа в газете. Это школа, заменить которую в литературе нечем.

Непримиримость О ЧЕМ РАССКАЗАЛО НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО

Александра Георгиевна Белявская могла считать своим миссией судебное исполнение законченной — решение народного суда о переселении стариков Бойко с чердака в квартиру их сына подполковника запаса Ожередова было выполнено. Да и капитану милиции Мельникову никто не мог предъявить по службе претензий — как приказали, он присутствовал при вселении, он, капитан, пытался говорить с подполковником как коммунист с коммунистом, и не его вина, что разговор ни к чему не привел.

Тем не менее Белявская и Мельников написали обо всем происшедшем в редакцию. Да, они уверены в силе Гражданского кодекса, в своей правоте и, наконец, в возможности без вмешательства печати восстановить справедливость.

Но и их — работников суда и милиции, по долгу своей нелегкой службы обязанных изо дня в день разбирать истории достаточно грязные, встречаться с людьми достаточно безнравственными, — возмутила аморальность поведения Ожередовых.

В феврале 1954 года подполковник интендантской службы Ожередов выехал из Одессы в длительную, рассчитанную на несколько лет командировку. Весной начал собираться к жене и сыну, врач Мария Захаровна с дочкой-школьницей Леной. Но как быть с квартирой, с вещами? Как всегда в таких случаях, вспомнили о матери — пусть переезжает из Молдавии в Одессу. Мария Захаровна и Лена уехали в июле, а в августе приехала Елена Никитична. Осенью переехала в Одессу и старик-отец. Захар Петрович поступил работать сторожем в санаторий, а Елена Никитична занялась хозяйством. Впрочем, у нее была еще одна обязанность — ежемесячно Ожередовы присылали в Одессу письма, из которых она должна была «делать

Э. МАКСИМОВА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

денег». И старики добросовестно выполняли инструкцию: дочь с зятем уехали, молодежь нас, им виднее, как надо жить. Семья Ожередовых вернулась в начале прошлого года. Видно, супруги остались довольны тем, как хозяйничали старики: в доме царил мир. Но вот отпуску кончился. Иван Иванович снова отправился к месту службы. Мария Захаровна уехала на несколько месяцев в Киев. Леночку оставили на попечение стариков. И опять Елена Никитична стала хозяйкой в доме — хозяйкой и домашней работницей. Бежала по магазинам, стирала, варила обед, как всякая бабушка, старалась посушить самые лакомые кусочки внучке, не давала ей, пятнадцатилетней девочке, самой шагу ступить, влетала по утрам бинты в косы и отглаживала форменные бантики...

Летом приехала Мария Захаровна. На сей раз, на ее взгляд, «дебет» и «кредит» не были у стариков в таком явном, как в январе. И начались скандалы. Да, по жалуй, и не в деньгах было дело. От стариков надо было избавиться любым способом. Командировка Ивана Ивановича неожиданно закончилась, он ждал увольнение из армии и должен был вот-вот вернуться домой. Мария Захаровна вновь взяла бразды правления домом в свои крепкие руки. Услуги стариков теперь никому не были нужны. Но ведь место в квартире они занимали!

Стариков терроризировали методически. Сначала их заставляли убраться из комнат. Много недель жили они на темном чердаке, между пустыми чемоданами и ящиками, постилая тюфяки прямо на полу. Но Ожередова не уязвила. Она подала заявление в суд с просьбой выселить родителей из ее дома.

19 сентября 1955 года слушалось дело — суд не только отказал Марии Захаровне, но и постановил выселить Елену Никитичну и Захара Петровича в квартиру

Ожередовых. Прошел еще месяц, решение суда оставалось на бумаге. 21 октября судебный исполнитель и представитель милиции пришли в дом Ожередовых.

Иван Иванович встретил Белявскую в пижаме, уютно развалившись в кресле у круглого, накрытого цветастой скатертью стола. «Решение неправильно. Буду жаловаться», — это было его единственное слово, сказанное спокойно и твердо. Уже со следующей фразой разговор с судебным исполнителем принял такую форму, что если бы не профессиональная выдержка Белявской, она легко могла оказаться в больнице за дверь. Ох, как ясно, до боли ясно представляла себе в эту минуту Александра Георгиевна, что происходит в этих вот стенах, когда Ожередовы остаются один на один со стариками...

Иван Иванович «сформулировал» ряд условий, которые должны выполнять старики, я требую, чтобы они сминая обувь в коридоре, громко не разговаривали и т. д. И только тогда совершили переселение с чердака.

Решение суда было выполнено. Вот именно в это время написали тт. Белявская и Мельников письмо в редакцию.

Редакция командировала автора этих строк в Одессу. Там я узнала много откровенных подробностей того, что уже произошло.

...Ушли представители закона, и снова подполковник тычет кулаками в лицо теще («Только без рук, Ваня, я сама уйду», — просит старуха) и стучит кулаком по столу так, что подпрыгивает посуда; снова врач Ожередова выпрыгает в отце домашних туфлями и кричит истерически: «Все равно зарежу»; снова Захар Петрович ноцует в бане санатория, а Елена Никитична спит на полу у чужих людей, к которым она поступила в няньки.

В партийной организации, где состоит на учете Ожередов, мне показали его объяснительную записку. На двенадцати страницах, исписанных аккуратными, убогими почерком, он обвиняет грязью стариков, он вспоминает даты всех скандалов за восемнадцать лет, он скрупулезно

подсчитывает все суммы, которые когда-либо переводились старикам. Он серьезно объясняет: «Матерщины я ни одного слова в адрес Бойко не сказал, я сравнивал ихние родительские чувства с чувствами животных». Он просит «призвать к порядку распоясавшихся хулиганов»...

Я беседовала со стариками. Они не вспоминали семейных скандалов и денежных расчетов. Нет, Захар Петрович только повторял: «Я, как все, а батки всегда так робуют, чтобы детям не мешать». И Елена Никитична не жаловалась, она только плакала и вспоминала о первых годах жизни внучки, по привычке называла ее Леночкой, о том, как в 1940 году, когда дочка училась в институте, она, бросив все, уехала к «детям» в Хабаровск и прождала там пять лет — ведь иначе Марии не удалось бы стать врачом.

В областном суде мне показали худшее дело Ожередова (теперь уже он апеллирует к закону) против Бойко — за 62 листа, разбухшее от справок, заключений, копий. Заявления, где дочь и зять называют себя истцами, а мать и отца именуют ответчиками...

Зал суда был набит битком, пришли соседи. То и дело раздавались возмущенные выкрики. Зал дул, и судья Горный знал, что это не перешептывания кумушек, а голос протеста. Он думал: может быть, поймут Ожередовы, что происходит, одумаются. Но они ничего не поняли. Опять Иван Иванович лгал и изворачивался, а жена его плевала в лицо матери, которая говорила ей: «Ты забудь, что я тебе мать. Но ведь я Лену вынуждала, ты хоть об этом вспомни и подумай обо мне, как о няньке дочери твоей».

Народный суд решил — дать старикам Бойко комнату в квартире зятя.

Когда подполковник запаса Ожередов пришел по моей просьбе в редакцию областной газеты, он был одет нарочито скромно — старая выцветшая шинель, ушанка, потертый рюкзачок в руках. И пока он подробно излагал историю своих отношений с родителями жены, пока доставал пожелтевшие справки, письма родственников, заверенные гербовыми печатями, я смотрела на этого человека, прожившего всю свою сознательную жизнь

при советской власти, выученного и воспитанного ею, и пыталась понять — откуда у него эта жестокость, эта привычка оценивать человеческие чувства с помощью котировских счетов. Его ошущают десятки людей — чем же он объясняет это? Иван Иванович отвечает, не замываясь: тому не понравился его жена, этот завидует его квартире, судьи подкуплены. Порядочность, благородство, нравственные идеалы? — в это Ожередов не верит. Для него решающую роль в жизни играет только собственное благополучие. Он считает справедливым лишь тот закон и того судью, которые решают дело в его пользу. Почему же это произошло?

Видно, небольшим, случайно заложены в детстве или юности заткам да разрастись окружающим — ныне не замечали этих небольших слабостей, заслоненных исполнением, хорошей благодарией, другие — не хотели замечать. Человек выгнулся по служебной лестнице, получал чины, росли его заработки, а вместе с ними росли и мелкие страстишки, превращаясь в нравственные пороки.

Да, тт. Белявская и Мельников оказались правы — история действительно возмутительная. И все-таки дело Ожередовых, несмотря на всю его гнусность и аморальность, — пусть это не покажется странным, — меня обрадовало. Знакомая со многими людьми, я с радостью убедилась в том, что все, что знал об этом деле, не осталось равнодушными, что десяткам граждан не было безразлично поведение Ожередовых и судьба стариков.

Анна Сергеевна Самицкая, пенсионерка, живущая в одном поселке с Ожередовыми, старая работница, коммунистка, пыталась говорить с ним по-матерински. Но не смутил холодный вопрос: «Вы от кого пришли указывать?». «Сама от себя», — тихо ответила она, — ведь я тоже с детьми живу, и у меня бывают неприятности, но ведь все можно уладить».

Заместитель секретаря партийной организации Е. Юстерник рассказывал о том, как пытался партбюро вразумить Ожередова по-партийному, по-военному (в этой организации много офицеров в отставке).

Военный комиссар Медведев действовал, насколько имел право, в приказном порядке. Когда Ожередов вошел в его кабинет и устал, зачем его вызвали, он

восмутился: «Это мое личное дело». Медведев, сдержавшись, холодно и весомо сказал: «Предупреждаю, вы стоите на скользком пути», а потом звонил в суд, в райисполком, чтобы помочь старикам.

Не один десяток хороших советских людей оказались свидетелями по этому делу, — свидетелями, хоть и не прошедшими через зал судебного заседания, но вместе с судом осужденными Ожередова.

После первого решения суда и несмотря на него Ожередов выиграл родителей жены из дому. Сейчас об этом сделать не поместит. Более того — Иван Иванович и его жена сами разсылали Елену Никитичну и Захара Петровича и просили их вернуться домой.

Сейчас старики Бойко живут в комнате, приустроенной им судом.

Нет, не суда испугался Ожередов. Он боится Савицкой, Юстерника, боится глаз соседей, боится людей, у которых есть право на самую сильную меру наказания, какой нет ни в одной статье кодекса, — право окружить человека общественным презрением. То, что суд называет гражданским иском Ожередовых к Бойко, то эти люди назвали преступлением против нашей советской морали.

Судебное дело Ожередовых закончено, но, как пишет Александра Георгиевна Белявская, «застав его на полку архива разо, заплыть еще оно успеет. Пусть ляст его дочери, забываясь, как мать заплетала им косички, забываясь слезы матери при их горестях, улыбки — при успехах. Пусть ляст его сыновья, считающие оскорблением решение суда о высказании элементов на содержание родителей. Пусть ляст его те, чьи родители оскромно не хотят напоминать о себе детям, которые о них забыли».

В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии сказано: «Надо создать такую обстановку, чтобы люди, нарушающие нормы поведения, принципы советской морали, чувствовали осуждение своих поступков всем обществом».

Ожередовы это уже почувствовали. Об этом рассказало неопубликованное письмо. ОДЕССА

Государственное издательство художественной литературы готовит к изданию избранные сочинения П. Замойского в двух томах. На снимках — иллюстрации художника Б. Лебедева к роману «Лептис».

Над книгой поэта

Говоря о богатстве нашей поэзии, нельзя не назвать среди поэтических имен имя Дмитрия Кедрина. Творчество этого поэта заслуживает серьезного разговора. Это тем более необходимо, что место, занимаемое Кедриним в критической литературе, явно не соответствует тому месту, которое он занимает в поэзии. Кстати, в нашей поэзии довольно часто наблюдаются явления обратного порядка, когда поэт, располагающий скромными творческими возможностями, незаслуженно вознесен критикой. Время, конечно, в конце концов внесет свои поправки и все ставит на свое место, но иногда хочется и потропить его...

Дмитрий Кедрин не в живых. Умер он молодым и не успел сделать всего, что задумал. Но даже то, что он сделал, остается, к великому сожалению, неизвестным широкому кругу читателей. При жизни поэта вышла всего одна тоненькая книжечка стихов «Свидетели». Но уже в ней он предстал перед нами как оригинальный поэт. В этой книге были напечатаны и «Зодчие», и «Приданое», и «Дорог Молитбога», и «Родина», и «Будла», которая сделала его имя известным и которую высоко оценил Алексей Максимович Горький.

Дмитрий Кедрин был человек скромный и не любил, как говорится, идти вперед своих стихов. Он справедливо полагал, что хорошие стихи сами пробьют себе дорогу. Так оно и произошло, да жалко — после смерти поэта. За десять лет вышло три сборника его стихотворений. Но тиражи их ничтожны, а объем далеко не полон. Достаточно сказать, что в последней книге «Избранное», выпущенной «Советским писателем» под редакцией С. Шипачева, нет ни «Зодчие», ни «Будла». А ведь они представляют собой подлинное богатство нашей поэзии.

Почему же в книге нет этих стихотворений?

Напомним их содержание. Царь Иоанн Четвертый в честь победы над Золотой ордой велел выстроить храм и призывал к себе мастеров. Его выбор пал на иноземцев, а на двух русских строителей — владимирских зодчих.

— Смерды! Можете ль церковь сложить, Иноземцы пригжей? Чаб была благодней Заморских церквей, говорю? — И тридцать волосами, Отвещали зодчие: — Можем! Прикажи, государь! — И ударились в ноги царю.

Мастера взялись за работу: «заплетали узоры из каменных кружев», «купол золотом жгли, кровли крыли лазурью снагоры и в свинцовые рамы вставляли чешуйки слюды». Прекрасным получился храм, созданный владимирскими зодчими. Удивившись его красоте, царь призвал строителей и спросил: могут ли они сделать храм лучше этого? «Можем!» — ответили зодчие. И тогда царь повелел ослепить их, чтобы никто не поставил лучшего храма, чем храм Покрова». Славные водные стали нищими. Но великое искусство, ради которого они страдали, было для них превыше всего.

И стояла их церковь, Такая, Что словно приснилась, И звонила она, Будто их отпевала назарид. И запретную песню Про страшную царскую милость Пели в тайных местах По широкой Руси Гусляры.

Поэт сумел нарисовать картину русской жизни, картину истинно драматическую. Перед нами — духовная красота и сила русского человека, его беззаветная любовь к своему труду, к созданию. Эти черты бесконечно дороги нам, мы высоко ценим их и стараемся воспитать в людях. Почему же «Зодчие» не включены в книгу избранных стихотворений? Возможно, что редактор и его советчики — рецензенты убоялись драматизма и остроты стихотворения. Если так, то напрасно. Драматизм этот был в русской истории. Зрелость поэта сказалась именно в том, что, рисуя в пределах небольшого стихотворения широкую, исторически правильную картину, он увенчал ее глубоким обобщением, — вспомните о запретной песне «про страшную царскую милость».

Лучшие стихи Дмитрия Кедрина посвящены России, русской истории. Но поэт был не иллюстратор исторических событий, а проникновенным, мыслящим художником, сумевшим рассказать о далеком прошлом так, что оно волнует современников. Даже в годы войны он не расстался со своей любимой темой, выбирая из русской истории то, что находило отклик в наших сердцах, и продолжал свою поэтическую дорогу, оставаясь верным себе, самобытным поэтом. Прочитайте хотя бы такие стихи, как «Колокол», «Победа», «Блажен Василько Ростовский», «Бряк» и заключающую этот цикл «Думу о Росссии».

Связь истории с современностью — вот в чем сила поэта. Но Дмитрий Кедрин интересовался не только историей. Он зорко вглядывался в окружающее, любил труженников, понимал и ценил их мастерство, красоту их души. А это в искусстве самое главное. Он боролся за чистоту этой души, за красоту нового мира, рождающегося на советской земле. Этому и посвящено стихотворение «Будла».

До высоты настоящего поэтического обобщения поднял в нем обыкновенный факт, один из тех, которые, к сожалению, встречаются у нас еще и поныне. В семье, где отец постоянно шлет, маленькой забитой девочке остается единственное утешение — облезлая тряпичная кукла. И вот в этот темный мир, «в эту нору сырую» вторгается поэт и, как бы за руку выводя девочку из страшного мира, напоминает ей о новом мире, ради которого Надрылся Дзержинский, Выкашивал легкие Горький, Делал жиней ледяных Отработал Владимир Ильич.

Стихотворение заканчивается прекрасной строфой: И придут комсомолцы, И пылято грузчика свяжут, И нагнут в чулан, Где ты дремал, свернувшись в калач, И оденут тебя, И возмут твои вещи, И скажут: — Дорогая! Подем, Мы дадим тебе куку, Не плачь!

Нет, не зря удивлялся этому стихотворению, его проникновенной силе Алексей Максимович Горький. Жаль, очень жаль, что редактор, очевидно, испугавшись, что читатели оцнут описанную в 1932 году бытовую картину характерной для наших дней и обвинят его в опасном обобщении, решил не печатать «Куклу».

И в теме исторической и в теме современной Дмитрий Кедрин был поэтом проницательным, он любил людей, радовался тому, что живет единой с ними жизнью и служит им, то есть был настоящим поэтом. Все живое, все человеческое было дорого ему. Он умел найти это человеческое, когда писал о солдатах времен гражданской войны и о полонянке, об уральском литейщике и о великом Рембрандте... У него нет стихов-пустышек; в каждом стихотворении — жизнь, зримая, волнующая; в каждом стихотворении — поэтическая мысль.

Дмитрий Кедрин не мог не откликаться и на так называемые злободневные темы. Но это были не рифмованные отписки, с которыми мы зачастую встречаемся на страницах газет и журналов, а отклики мыслящего, горячего сердца художника. У него всегда был свой поворот темы, свой композиционный рисунок. То, что у других (к сожалению, у многих) оставалось в разряде «календарных» стихотворений, у Кедрина становилось в ряд лучших его стихов («Право на отих», «Родина»).

Поэт жил полной жизнью гражданина своей Родины. Освобожденный от военной обязанности по состоянию здоровья, он шел на фронт добровольцем.

Живым и зримым для читателей делал Кедрина его большое мастерство. Дорогой читатель! Перепиши в свою памятную книжку небольшое стихотворение Дмитрия Кедрина «Красота», если, конечно, ты не знаешь его. Возможно, оно заставит тебя раскрыть книгу поэта, прочитать ее внимательно и полюбить в ней многое. Вот это стихотворение:

Эти гордые лбы вичинских мадонн Я встречал не однажды у русских крестьянок, У рязанских молодых, согбенных трудом, На току молящихся снопы спозароком. У выкрастных мальчишек, что ловят грачей И несут в рукаве полшубка отцова, Я видал эти синие звезды очей, Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большаком перешли на отрезок холста Бурлаков этих репинских ног босые... И теперь понимаю, что вся красота — Только луч того солнца, кое имя — Россия!

Кедрин был мастером и публицистическое стихотворения, и драматической поэмы, и героической баллады, и лирической миниатюры, подчас заключенной в одну строфу:

Ты говоришь, что наш огонь погас, Твердишь, что мы состарились с тобою. Взгляни ж, как блещет небо голубое! А вель оно — куда старее нас...

Вот и все стихотворение, а перед читателем встает и судьба человека, и чистота чувства, и широта мира. Вместе с тем стихотворение написано предельно просто. Это и есть мастерство.

Будучи поэтом, Дмитрий Кедрин видел в этом свой гражданский долг и относился к делу своей жизни священно и такого же отношения к своим обязанностям требовал от мастера любого другого дела. Обращаясь к другу-читателю в стихотворении «Завтра», он говорил, напоминая об Отчизне:

Люби ее, Клянись, как наши деды, Горой стоять За жиней ее и честь, Чтобы сказать В желанный час победы: — И моего Тут капля меду есть.

Мы верим, что с каждым годом будет шире круг читателей этого замечательного русского поэта, а книга его избранных стихов станет куда толще.

Творчество Кедрина ждет своего исследователя, а читатель жлет его книг, изданных массовым тиражом, книг поэта, который займет наконец заслуженное им в советской поэзии место, завоеванное талантом и трудом.

Марк ЛИСЯНСКИЙ,
Конст. МУРЗИДИ

НЕДАВНО закончило свою работу совещание писателей Урала. По единодушному мнению всех его участников, за этом совещании задался серьезный и откровенный разговор о легком пути советской литературы, разговор о большой ответственности писателя перед народом и в этой связи — о правах писателя, об условиях его труда и о нуждах писателей.

Высокий уровень всероссийского совещания писателей определился прежде всего тем знаменательным фактом, что оно проходило в дни, когда по всем городам и селам нашей Родины развернулось обсуждение весьма обширного круга вопросов — промышленности, сельского хозяйства, культуры — обсуждение, начатое два месяца назад на XX съезде партии.

Пожалуй, никогда партия не ставила перед советской интеллигенцией столь неотложных задач по всему фронту культуры, искусства, литературы.

Примечательно в области народного хозяйства съезд отметил большие достижения, признанные даже нашими недругами за рубежом, то к великому нашему писательскому огорчению, этого нельзя сказать про нашу литературу последних лет.

Нет для советского писателя более серьезного упрека, чем упрек в ослаблении связи с жизнью своего народа.

А такой упрек с трибуны XX съезда партия прозвучала!

Горькое для писателей обвинение. Горькое, но справедливое... И все-таки нам представляется неправомерным обвинять отставание литературы от быстротечной жизни, как недостаток только литературного процесса, и объяснять отсутствие произведений широкого охвата и больших человеческих чувств только творческой инертностью писателей.

XX съезд партии очень большое внимание уделил критике такой чужеродной для нашего социалистического общества тенденции, как культ личности. Естественно, что культ личности отразился и в литературе. Да, в стыду нашему, нужно признать, что в недавнем прошлом тот писатель, который проявлял в своих произведениях тенденцию к захлыванию, приукрашиванию ряда явлений и замалчиванию серьезных подчас недостатков, оказывался на пьедестале.

Точно так же неверно объяснять серьезное отставание нашей драматургии и кинематографии только появлением некоей порочной «теории» бесконфликтности, на которую «молчаливо» многие наши драматурги и в приступе умиленья срочно перекладывали свои разноречивые и неперекладываемые разрывы между безопасностью и жизнью. Думается, что и бесконфликтность и тесно примыкающее к ней явление лавирования — лишь литературный вариант такого уродливого, но, к сожалению, до сих пор не до конца еще искореняемого из общественного явления, каким является охлокративательство.

А поему писатель или кинематографист, вдохновенно певший читателю и зрителю только о колхозной зажиточности, по существу, играл такую же незавидную роль, как и те руководители района или области, которые ради благополучия своих и рапорта правительству иногда попирали священные права колхозников и тем отягощая и без того не легкую жизнь руководителей колхозов, нивовых партийных работников и всех честных труженников села.

Не правы, думается, и те, кто объясняет лавировку только отрывом писателя от жизни. На съезде партии Михаил Шолохов привел, как пример литературной вездешности, три книги напущенного в свое время романа С. Бабаевского. Но ведь именно этого писателя никак нельзя упрекнуть в отрыве от жизни: Бабаевский жил в близком соседстве со своими героями, повседневное интересовало их делами, знал об их нуждах и лишениях.

Еще более разительным примером лавировки является фильм «Донецкие шахтеры». Но и в этом случае авторов фильма — хорошего и честного писателя Бориса Горбатова и режиссера Леонида Луква — нельзя упрекнуть в том, что они не знали жизни и были своих героев.

Неразрывная связь писателя с жизнью — безусловно, одна из первооснов литературного мастерства, о чем, кстати, мы не устаем вспоминать во всех своих выступлениях. И о том, что у многих наших писателей, и прежде всего писателей Москвы, связь эта в последние годы ослабла, тоже можно и нужно говорить прямо. Но, повидному, дело не в том, чтобы кто-то из известных московских писателей откликнулся на призыв секретаря Челябинского обкома партии Н. Лаптева и срочно перебраться в Челябинскую область, где ему будет предоставлены гостеприимные хозяева «я стод, и дом».

К слову сказать, если бы тов. Лаптев присутствовал на совещании писателей Урала, он узнал бы, что в Челябинской области уже давно проживают хорошие писатели и поэты — ничуть не хуже многих московских, такие, как Н. Воронов, Л. Тяпкин, С. Мелешина, Л. Преображенская, С. Мелешина, М. Аношкин.

И еще узнал бы тов. Лаптев, что один из старейших уральских писателей, замечательный русский человек Иван Петрович Малютин, проживающий в Челябинске, до сих пор не имеет своего угла. А хорошая детская писательница, автор десятка книг, Людья Преображенская живет в бараке.

Вот почему многих писателей Урала удивили, да и в какой-то мере обидели слова секретаря Челябинского обкома КПСС Н. Лаптева, прозвучавшие в его выступлении на XX съезде партии. Нет, не осудил еще сей Урал бесценными рудами и самоцветами, а народ Урала — собственными талантами!

Не будет преувеличением сказать, что именно на уральской конференции впервые так серьезно обсуждался один из самых острых и до сих пор не разрешенных вопросов нашей многонациональной литературы: тема человека-труженика.

Уральские писатели внесли значительный и весомый вклад в разработку этой темы. Только за последнее время мотовскими писателями написаны такие книги, как «Инженеры» Сатиры и «Навстречу жизни» Андриевского, свердловчанами — «Счастливые люди» Хазановича, «Рябиновая ветвь» Старикова, «Половцы» Марковой, челябинцами — повесть «Инструктор горкома» Аношкина, рассказы Воро-

нов, Мелешина. Все эти произведения написаны на животрепещущие темы наших дней, а герои этих книг в большинстве своем — передовые советские люди.

Однако нельзя обойти молчанием и существенные недостатки в творчестве уральских писателей, кстати, в той же мере присущие и многим произведениям писателей Москвы и Украины, Ленинграда и Прибалтики, Сибири и Кавказа.

К сожалению, многие наши произведения страдают не только лакривной и бесконфликтностью, но и примитивностью основного сюжетного хода, ordinарностью в образе характеров, мелкотемьем, а герои наши — и чаще всего герои положительные — нередко уступают по уму, развитию, темпераменту рядовым советским труженникам. Именно поэтому некоторые наши книги, попросту говоря, скучно и неинтересно читать.

Почти все выступавшие с трибуны совещания уральских писателей, разбирая произведения свои и своих товарищей, по глазу угла ставили вопросы таланта и мастерства. И, что особенно отродно отметить, большинство выступавших гордились на эту тему извольнованно и, что называется, в полный голос.

Так, серьезной, но по-товарищески непринципиальной критике подверглась книга И. Андриевского. И это не случайно: роман «Навстречу жизни», пожалуй, наиболее полно, да и в красочных местах, отобразил сложнейший мир производственных, бытовых и интимных отношений труженников лесного хозяйства, и в то же время в этой книге нашли столь же выразительное воплощение и многие недостатки, присущие нашим так называемым «производственным» романам.

И. Андриевский — сам инженер по профессии, работник лесного хозяйства — развил перед читателями широкую и познательную интересную картину механизации лесного дела, самобытного труда и быта приуральских лесорубов.

Тем обиднее сознавать, что в целом роман «Навстречу жизни» нельзя назвать художественным произведением; там, где автор пытается «приподнять» своих положительных героев, скрывается недостаток мастерства, вкуса, и писатель, возможно, сам того не замечая, отступает от жизненной правды, подражает даже не лучшим литературным образам.

Приведу несколько примеров. И. Андриевский отнюдь нельзя обвинить в лакривке: в книге показаны нелегкие условия труда лесорубов, их во многом не налаженный быт, противоречия, а подчас и измывательные черты в характерах людей, семейные неурядицы.

Однако наряду с этим автор (в который уже раз!) прямо называет читателю замолкита Хрусталева, к которому можно, с поправкой на пол, применить голговерскую характеристику: «Мужчина приятный во всех отношениях».

Уже первое появление этого героя на страницах книги заставляет насгордиться искусственным читателем: «Замолкит стоял у борта, ветер шевелил его черные волосы, небрежно спадающие на смуглый лоб. Черные глаза с быстрым, внимательным взглядом, острый профиль, вся его высокая, худощавая и подвижная фигура говорила о характере неспокойном и страстном».

Концентрация работ, электричество, машины, крупные центральные поселки, — продолжал Хрусталева, — вот что нам и в лесу создает материальную базу для коммунизма! А быт, а жизнь, а уровень сознания! По-новому зашумели леса».

Так же, «с места в карьер» начинает хвалить автор и основного положительного героя — инженера Пospelова. И этот товарищ на протяжении всего романа безупречен и сук, как инструкция. Испорчен литературным украшательством и интересно задуманный характер молодого тракториста Лазорькова.

Не украсил роман и обязательный для такого рода произведений персонаж — носитель народной мудрости Никита Иванович Бобров.

Слова мудрости и рабочей сметки, которыми И. Андриевский явно перенасытил речь Никиты Ивановича и некоторых других персонажей, во многих случаях напоминают пародию на народный язык. Что, например, стоят такие речения: «Поджмать лесом решил! Это по-моему. Лес-то нужен не в год, а в рот». Или: «Вы еще, можно сказать, сами, как свиной на шестне, не устроены».

К сожалению, погрешности такого рода, прежде всего штампы и литературная безвкусица присущи не только книге И. Андриевского. «Инструктор горкома» — уже само название повести говорит о том, что челябинский писатель М. Аношкин поставил перед собой высокую цель: написать повесть на одну из самых дефицитных в нашей литературе тем.

Заслуживает похвалы стремление М. Аношкина показать работников городского партийной организации в их тесной, повседневной связи с предприятиями города. К сожалению, кроме правильных установок и отдельных живо написанных сцен и диалогов, повесть М. Аношкина похвалить не за что.

Вот, например, как подает автор читателю любимого своего героя: «Вывалил Мелещенко. Петр вошел твердой походкой военного человека. Он был чуть выше среднего роста, широкий в плечах, как говорят — и ладно скроен, и крепко шит. Уверенный взгляд, широкое открытое лицо, упрямая складка между бровей свидетельствовали о большой силе воли. «Богатырь!» — тепло подумал о нем Борисов. — Война только закаляла его, вытранила характер».

Именно такой «твердой походкой» прохаживает инструктор горкома Петр Мелещенко по всей повести. И не записка!

Зато героев, которые ему не симпатичны, автор рекомендует читателю так: Сафонов показалось, что безобразно лицо Давыдова с острым носом и бескрылыми тонкими губами выразило полное к нему презрение. Полагаю, что примитивность такого рода выписаний не нуждается в комментариях.

Точно так же немало в книге М. Аношкина и псевдонимно-значительных, а по существу, примитивных рассуждений, что, впрочем, легко обнаружить и во многих романах, уже одобренных критикой. Что там греха таить — многие из нас любят похвастаться перед читателем своим «средним образованием»!

«Изучайте людей, с которыми приходится работать, и изучайте историю. Нельзало уметь руководить, не зная положительных и отрицательных качеств работников. Это положение должно стать законом нашей деятельности. Этот закон мало усвоить, его надо почувствовать и научиться применять практически». Так вещает автор читателю устами секретаря горкома партии Борисова.

Другой партработник, провозвоя с тонцев девушкой, в которую влюблен, пользуется случаем подыять ее сознательность: «...вы жадно тянетесь к людям, а поскольку вы впечатлительны, то, как губка, впитываете в себя все, что видите, наблюдаете, это обогащает вас, вы испытываете удовлетворение. А газетная работа как раз и дает это удовлетворение. Больше того, запас наблюдений у вас не пасивен, а в постоянной творческой обработке. Иначе нельзя. Надо все обдумать, поставить на свое место, оценить, сделать выводы. Только тогда вы сможете написать статью».

— Как это верно! — воскликнула Татьяна.

— Это творчество.

— Вы так правильно передали мои переживания, что можно подумать, словно вы давно знаете меня, — сказала Татьяна. — Это тот из писателей, который не пытался обогатить внутренний мир своих героев такими же назидательно-глубокомысленными речениями, первый бросит в М. Аношкина критический камень. Мы все в этом повинны.

В ряду обсуждавшихся произведений нас порадовал рассказ молодой уральской писательницы Э. Бабевой «Ландыши», в котором описывается жизнь сельского райкома комсомола. Рассказ написан искренне, без нажима и по-настоящему молодого! Хорошее впечатление свежести и поиска оставляет и весь альманах «Уральский современник», посвященный творчеству молодых писателей.

Правда, и на Урале молодым авторам не хватает таких обязательных для молодости качеств, как вдохновенное и дерзкое поупение на большую тему, стремление описать в своем, пусть небольшом по объему произведении значительное событие, самобытно истолковать острый вопрос.

На совещании писателей Урала мы еще раз и особенно ясно ощутили, что давно уже назрела необходимость по-партийному разобраться в некоторых существующих вопросах теории литературы. Ведь если говорить серьезно, то в разработке метода социалистического реализма наша наука топчется все на той же теоретической плоскости, что и во времена Первого съезда писателей. Бумаги извели много, а толку чуть!

Возьмем для примера такой насущный для нашей литературы вопрос, как определение метода социалистического реализма. В 1933 году со статьей «О социалистическом реализме» выступил сам революционный этого метода Алексей Максимович Горький. Нет сомнения, что все писатели читали эту статью, а многие и изучали. Но лично у меня нет твердой уверенности в том, что кто-нибудь из писателей после прочтения сказал: «Ага, вот теперь-то мне все понятно!».

Да и сам Алексей Максимович, спустя два года, пришел к такому заключению: «О социализме написано и пишется много, но единого и ясного мнения — не существует...».

Затем, спустя много лет, попытаться внести ясность в этот вопрос, уже солидно осложненный к тому времени толкованиями многих теоретиков, А. Фадеев. Он дал такое определение: социалистический реализм представляет собой полный органический синтез реализма с революционной романтикой.

На первый взгляд — четко, убедительно: реализм глубоко раскрывает действительность, мечта стремится превзойти ее вперед, — чего ж еще? Однако спустя короткое время нас порадовал новым теоретическим положением В. Ермалов, который высказывался так: «Думается, что в настоящее время уже для всех ясна неадекватность мнения, будто в социалистическом реализме существуют два раздельных начала — реалистическое и романтическое».

А переход к позитивной оценке метода, Ермалов сказал: основополагающее понятие социалистического реализма — это «правдивое отражение действительности в ее революционном развитии, действительная партийность, народность, активность, преобразующая роль искусства, высокая художественная форма, общенародный, национальный литературный язык, продолжение и развитие на новой исторической основе лучших национальных традиций».

Все это бесспорно. Но ведь если думать, то это пространное и чрезвычайное емкое научное построение именно в силу своей всеобщности недалеко ушло от определения, которым порадовала преподавателя литературы одна из учениц: «Если книга хорошая — это социалистический реализм, а если плохая — это не социалистический реализм!».

Самое же неприятное в этой путанице то, что буквально на глазах неуемного читателя один и те же авторы критических исследований, сообразуясь с каньонктурой, сначала хваляли, потом ругали, потом опять хваляли одно и то же произведение вроде бы с одних и тех же позиций социалистического реализма. Так, в примере, пропущено с романами В. Гроссмана «За правое дело», В. Лапина «К новому берегу», С. Бабаевского «Свет над лемлей».

В заключение хочется сказать, что некоторые до сих пор не разрешенные вопросы, затронутые в этой статье, — лишь небольшая часть нашего литературного бытия. Но у всех советских писателей сейчас крепнет уверенность в том, что XX съезд КПСС отразился на истории нашей литературы, как начало нового этапа — этапа подлинного расцвета.

Мы в это верим!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 44 12 апреля 1956 г. 3

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Разговор, начатый на Урале

Ю. ЛАПТЕВ

ва, Мелешина. Все эти произведения написаны на животрепещущие темы наших дней, а герои этих книг в большинстве своем — передовые советские люди.

Однако нельзя обойти молчанием и существенные недостатки в творчестве уральских писателей, кстати, в той же мере присущие и многим произведениям писателей Москвы и Украины, Ленинграда и Прибалтики, Сибири и Кавказа.

К сожалению, многие наши произведения страдают не только лакривной и бесконфликтностью, но и примитивностью основного сюжетного хода, ordinарностью в образе характеров, мелкотемьем, а герои наши — и чаще всего герои положительные — нередко уступают по уму, развитию, темпераменту рядовым советским труженникам. Именно поэтому некоторые наши книги, попросту говоря, скучно и неинтересно читать.

Почти все выступавшие с трибуны совещания уральских писателей, разбирая произведения свои и своих товарищей, по глазу угла ставили вопросы таланта и мастерства. И, что особенно отродно отметить, большинство выступавших гордились на эту тему извольнованно и, что называется, в полный голос.

Так, серьезной, но по-товарищески непринципиальной критике подверглась книга И. Андриевского. И это не случайно: роман «Навстречу жизни», пожалуй, наиболее полно, да и в красочных местах, отобразил сложнейший мир производственных, бытовых и интимных отношений труженников лесного хозяйства, и в то же время в этой книге нашли столь же выразительное воплощение и многие недостатки, присущие нашим так называемым «производственным» романам.

И. Андриевский — сам инженер по профессии, работник лесного хозяйства — развил перед читателями широкую и познательную интересную картину механизации лесного дела, самобытного труда и быта приуральских лесорубов.

Тем обиднее сознавать, что в целом роман «Навстречу жизни» нельзя назвать художественным произведением; там, где автор пытается «приподнять» своих положительных героев, скрывается недостаток мастерства, вкуса, и писатель, возможно, сам того не замечая, отступает от жизненной правды, подражает даже не лучшим литературным образам.

Приведу несколько примеров. И. Андриевский отнюдь нельзя обвинить в лакривке: в книге показаны нелегкие условия труда лесорубов, их во многом не налаженный быт, противоречия, а подчас и измывательные черты в характерах людей, семейные неурядицы.

Однако наряду с этим автор (в который уже раз!) прямо называет читателю замолкита Хрусталева, к которому можно, с поправкой на пол, применить голговерскую характеристику: «Мужчина приятный во всех отношениях».

Уже первое появление этого героя на страницах книги заставляет насгордиться искусственным читателем: «Замолкит стоял у борта, ветер шевелил его черные волосы, небрежно спадающие на смуглый лоб. Черные глаза с быстрым, внимательным взглядом, острый профиль, вся его высокая, худощавая и подвижная фигура говорила о характере неспокойном и страстном».

Концентрация работ, электричество, машины, крупные центральные поселки, — продолжал Хрусталева, — вот что нам и в лесу создает материальную базу для коммунизма! А быт, а жизнь, а уровень сознания! По-новому зашумели леса».

Так же, «с места в карьер» начинает хвалить автор и основного положительного героя — инженера Пospelова. И этот товарищ на протяжении всего романа безупречен и сук, как инструкция. Испорчен литературным украшательством и интересно задуманный характер молодого тракториста Лазорькова.

Не украсил роман и обязательный для такого рода произведений персонаж — носитель народной мудрости Никита Иванович Бобров.

Слова мудрости и рабочей сметки, которыми И. Андриевский явно перенасытил речь Никиты Ивановича и некоторых других персонажей, во многих случаях напоминают пародию на народный язык. Что, например, стоят такие речения: «Поджмать лесом решил! Это по-моему. Лес-то нужен не в год, а в рот». Или: «Вы еще, можно сказать, сами, как свиной на шестне, не устроены».

К сожалению, погрешности такого рода, прежде всего штампы и литературная безвкусица присущи не только книге И. Андриевского. «Инструктор горкома» — уже само название повести говорит о том, что челябинский писатель М. Аношкин поставил перед собой высокую цель: написать повесть на одну из самых дефицитных в нашей литературе тем.

Заслуживает похвалы стремление М. Аношкина показать работников городского партийной организации в их тесной, повседневной связи с предприятиями города. К сожалению, кроме правильных установок и отдельных живо написанных сцен и диалогов, повесть М. Аношкина похвалить не за что.

Вот, например, как подает автор читателю любимого своего героя: «Вывалил Мелещенко. Петр вошел твердой походкой военного человека. Он был чуть выше среднего роста, широкий в плечах, как говорят — и ладно скроен, и крепко шит. Уверенный взгляд, широкое открытое лицо, упрямая складка между бровей свидетельствовали о большой силе воли. «Богатырь!» — тепло подумал о нем Борисов. — Война только закаляла его, вытранила характер».

Именно такой «твердой походкой» прохаживает инструктор горкома Петр Мелещенко по всей повести. И не записка!

Зато героев, которые ему не симпатичны, автор рекомендует читателю так: Сафонов показалось, что безобразно лицо Давыдова с острым носом и бескрылыми тонкими губами выразило полное к нему презрение. Полагаю, что примитивность такого рода выписаний не нуждается в комментариях.

Точно так же немало в книге М. Аношкина и псевдонимно-значительных, а по существу, примитивных рассуждений, что, впрочем, легко обнаружить и во многих романах, уже одобренных критикой. Что там греха таить — многие из нас любят похвастаться перед читателем своим «средним образованием»!

«Изучайте людей, с которыми приходится работать, и

РАЗОРУЖЕНИЕ ВОЗМОЖНО

Валентин КАТАЕВ

Есть истины, которые очевидны для каждого здравомыслящего и непробужденного человека, а из таких истин, к счастью, состоит подавляющее большинство человечества. Одна из таких истин, которая заволашевала на свою сторону сотни миллионов людей, — это идея мира, мирового сотрудничества между народами.

Совесть и здравый смысл простых людей не могут мириться с тем, что народам грозит атомной войной, войной по самому последнему слову техники, с применением высших достижений механики, химии, бактериологии, ядерной физики, биологии и даже астрономии...

Первым словом, которое произнесла молодая Советская республика при своем рождении, было слово «мир».

Принято говорить: «Мирная политика Советского Союза». Это справедливо. Мир — само существование советского строя, главное его содержание, потому что высшим законом в Советском государстве является воля народа. А воля народа, конечно, в первую очередь является воля к миру, к мирному созидательному труду, к коллективному творчеству во всех областях науки, техники и культуры.

Советский Союз никогда, за все время своего существования, не начинал войны. Он всегда делал все возможное, чтобы избежать войны. Если же ему и приходилось воевать, то лишь потому, что его это вынуждали. Все войны, которые мы вели до сих пор, были войнами вынужденными. Это исторический факт, и никто не осмелится его оспаривать. Достаточно вспомнить грубое вторжение на территорию молодой Советской республики вооруженных до зубов войск четырнадцати капиталистических держав, не говоря уже о нашествии Гитлера, о неосциданных бедствиях, связанных с этим нашествием.

Для нас является священным великий ленинский принцип мирного сосуществования, потому что он, и только он, может избавить мир от ужасов новой войны.

Ради этой высокой, благородной цели Советское правительство уже неоднократно предлагало различные варианты разоружения. Оно предлагало полное разоружение и разоружение частичное. Оно предлагало со-

крашение вооружений. Оно предлагало задержание ядерного оружия, в том числе и самого губительного — водородного. Однако очень нелегко договориться с людьми, которые не понимают или делают вид, что не понимают простой человеческой логики.

Мы не хотим войны. Вы утверждаете, что также не хотите войны. Прекрасно. Так давайте разоружимся. Логично? Как будто логично. Но лишь стоит нам произнести это простое и всем понятное слово «разоружение», как «крючкотворы» из редакций некоторых западных газет пускаются в схоластические рассуждения. Они прибегают к всевозможным адвокатским уловкам и словесным хитросплетениям в духе басенного мудреца, говорившего: «Веревка — веревка простая». Так, например, дипломатический обозреватель газеты «Обсервер», комментируя последние предложения нашего правительства о разоружении, внесенные на обсуждение Подкомитета Комиссии ООН по разоружению, весьма туманно пишет:

«Хотя русский план, касающийся сокращения вооружений обычного типа, производит серьезное впечатление, все же в нем существует целый ряд положений, которые, по моему мнению, главным образом, с тем, чтобы смутить и расколоть западные державы».

Но, помилуйте, откуда же это видно? Увы. На сей вопрос «Обсервер» отвечает глумливым молчанием.

Или вот еще более вздорные домыслы дипломатического обозревателя лондонской «Дейли мей» Уолтера Марра, который уверяет, что Советский Союз ставит себе целью «обеспечить превосходство в области оружия массового уничтожения».

Но, помилуйте, откуда это следует? А вот откуда.

Оказывается, советский план разоружения преследует три цели.

Во-первых: после повсеместного сокращения вооруженных сил Советский Союз мог бы использовать свои огромные люд-

ские и материальные ресурсы для расширения производства на экспорт и захвата мировых рынков.

Во-вторых: «освободить промышленность от необходимости производить обычное оружие, больше ресурсов можно было бы выделять для производства водородных бомб, управляемых снарядов...».

Наконец, в-третьих: Советский Союз призывает создать в Европе зоны ограничения и инспекции вооружений, включая территории обеих частей Германии, будто бы для того, чтобы последние «могли бы быть присоединены к коммунистическому блоку» (!!!).

Тут поистине образцы того, как навешивают тень на ясный день.

Мы предлагаем:

— Давайте, господа, запретим атомные бомбы!

— Э. нет. Мы запретим атомные бомбы, а вы нажмете на другое, обычное оружие.

— Хорошо. Тогда сократим обычное оружие.

— Э. нет! Тогда вы нажмете на атомное.

— Так — сократим вообще все виды вооружения, как атомное, так и обычное.

— Э. нет, а чем мы тогда будем «влягать» в мире?

Так пытались искусственно создать заколдованный круг. Теперь положение меняется. В результате смягчения международной напряженности возникла новая атмосфера, благоприятствующая достижению согласия по вопросу о разоружении.

Все здравомыслящие люди уверены, что Советский Союз не хочет участвовать в гоним вооружений. Уверены потому, что они понимают или по крайней мере начинают понимать, что мир не «тактика» Советского Союза, а самое существование Советского Союза.

Если до сих пор история буржуазных государств преимущественно заключалась в цепи войн, то принцип мирного сосуществования, провозглашенный Лениным, может и завтрака приведет человечество к длительному, прочному и плодотворному миру.

Литература и искусство за рубежом

ХРОНИКА

ПЬЕСА

ЖОРЖА СОРИА

На сцене парижского театра «Ноктамбюль» состоялось первое представление новой пьесы французского драматурга и общественного деятеля Жоржа Сориа «Гордыня и туча», посвященной животрепещущей проблеме современности: проблеме борьбы за мир, против угрозы новой войны.

В центре пьесы — образ молодого американского ученого-физика Фрэнка Гардинга, отдающего весь свой талант созданию нового смертоносного оружия — водородной бомбы. Его жизненная философия сводится к убеждению, что лишь кулак изобретения должна решать судьбу мира.

Жизнь убеждает Фрэнка Гардинга в эфемерности многих его расчетов. Взрыв опытной водородной бомбы оказывается значительно сильнее, чем он предполагал, гибнут американские моряки и японские рыбаки, от взрыва пострадала его жена. Только тогда, когда несчастье входит в его дом, Гардинг начинает понимать, как прав был его учитель Миллер, выступивший против производства водородной бомбы.

«Мои мечты? Мои мечты? Да, если бы я только мог обменять их на простую жизнь без урны смерти!» — к такому выводу приходит ученый, эволюцию взглядов которого показал в своей пьесе Жорж Сориа.

Французская печать высоко оценила новую работу театра «Ноктамбюль». После окончания спектаклей в Париже труппа покажет «Гордыню и тучу» в пригородах столицы и в провинции.

«КНИГИ СТРОЯТ МОСТЫ»

«Книги строят мосты» — на этот девиз, содержащийся в каталоге одного из издательств ГДР, обращает внимание своих читателей западногерманская газета «Нейе рейнцйтунг». Газета сообщает, что одна из лейпцигских книготорговых организаций открыла в ряде западногерманских городов выставки литературы ГДР. Экспонированные книги продаются в крупных магазинах Эссена и других западногерманских городов.

«Если к этим словам отнесется серьезно, то и эта выставка должна стать мостом между населением Федеральной Республики и «духовной сферой ГДР», — отмечает газета. «Выставка убеждает, что мы нуждаемся в таких мостах, — говорится далее, — несмотря на политические разногласия или, пожалуй, даже не-за-них. При первом же осмотре выставки замечаешь, сколь обширна по своим масштабам область литературы — от научной до художественной, о которой мы судить не можем, потому что мы ее не знаем».

Газета резко предостерегает в связи с этим от недоуманных, скороспелых суждений и выводов, хотя бы потому, что, по ее словам, ГДР «выпускает ежегодно целую массу новинок, от 6000 до 8000 названий, и ученые могут найти тут литературу по своей специальности».

СТАТИСТИКА НИЦЕТЫ

«Мои доходы уже в течение многих лет значительны и не пружинчатого минимума. Если бы у меня не было возможности немного играть в театре и от случая к случаю выступать по радио, я умер бы от голода вместе с моими малолетними детьми...» Это высказывание западногерманского романиста и драматурга приводит в своей анкетке журнал «Дер шрифштеллер», орган объединения западногерманских писателей. В статье «Статистика ницеты» тот же журнал пишет: «Из опрошенных писателей, художников и композиторов в Нижней Саксонии значительно больше половины зарабатывают своим литературно-художественным трудом менее 200 марок в месяц, что примерно ниже официального прожиточного минимума. Недавно в Федеральной Республике проводилась «Неделя немецкой книги». Мюнхенский

сатирический журнал «Симплициссимус» опубликовал в связи с этим подборку иллюстраций художника Заура, одну из которых мы помещаем сегодня. Молодой литератор вбегает к себе домой и с радостью кричит оторопелой жене: «Смотри, Агата, мой издатель заплатил мне первые десять марок в счет авторского гонорара. Теперь мы можем записаться в библиотеку и наконец-то прочитать мой роман в надежном виде». В Западной Германии пользование библиотеками платное».

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА КИЛЛАНДА

Норвежская общественность отмечает 50-летие со дня смерти Александра Килланда — одного из крупнейших писателей Норвегии. Наряду с классиками литературы — Хенриком Ибсеном, Бернстером Бьернсоном и Ионасом Лие — Александр Килланд входит в четверку великих, как их называют в Норвегии.

Его лучшие произведения — романы «Гарман и Ворсе», «Рабочий люд», «Шкипер Ворсе», «Яд», «Фортуня», «Снег», «Правдивый са. Иоанна» — были опубликованы в семидесятых-

восемидесятых годах прошлого столетия.

Александр Килланд — крупнейший мастер реалистического романа. В своих книгах он выступает с критикой социальной несправедливости, буржуазной морали и религии. Ряд романов и рассказов писателя был переведен и издан в России вскоре после их выхода в Норвегии.

Норвежское издательство Ашехуг приступает к выпуску нового полного собрания сочинений Александра Килланда.

«ПАНОРАМА ЖИЗНИ СЛАВЯН»

Итальянское издательство «Итапресс» начало выпуск книжной серии «Панорама жизни славян». Издательство хочет познакомить итальянского читателя с литературой славянских народов.

«Мы намереемся, — говорится в издательском извещении, — показать итальянскому читателю панораму вчерашней и сегодняшней культурной и литературной жизни славянских народов. Сюда войдут произведения классиков и современной литературы, истори-

ческие и научные очерки, интересные труды о нынешней действительности».

Новую серию издательства открывают «Крылья» Александра Корнейчука. Пьеса переведена на итальянский язык известным итальянским славистом, профессором Тулло Тулли.

В первый выпуск серии, кроме пьесы А. Корнейчука, вошли «Над Неманом» Э. Ожешко, произведения Н. Лескова, лирика А. Милкевича, письма, доклады и выступления К. Станиславского.

Датский Андеальс-Театр показал премьеру пьесы А. Островского «Лес». Это — первая постановка «Леса» в ютландском городе Сквие, где среди населения много любителей театра.

На снимке: сцена из спектакля «Лес» в постановке артистов Андеальс-Театра. В роли: Несчастьями — Ирвинг Хассельманн, Петр — Альф Лассен, Иван Восьмибратов — Вальс Хольм.

В нескольких строках

Театр Народной армии в Софии поставил пьесу А. Штейна «Персональное дело».

«Французские поэты и писатели Жоффре» — так называется сборник избранных произведений французского поэта А. Жоффре, выпущенный французским издательством «Зегер». В работе над переводом приняли участие многие видные литераторы Франции.

«Антология советской поэзии» издана в Румынии. В книге широко представлены поэты народов Советского Союза.

В последнее время архив Гёте и Шиллера в Веймаре пополняется редкими документами. Среди них — письма Мартина Андерсеа Нессе, Райнера Марии Рильке, Романа Роллана и других их полярных архивариусов в Гейдельберге (Западной Германии) лауреат Национальной премии профессор Рейнгольд Бухвальд. Другое ценное приобретение архива — это два письма Гёте, написанные им своей невесте Оттилии.

Объективный смысл романа оказался несравненно шире подобного рода идей. В «Техом американец» получили отражение те факты, что все большее количество людей во всем мире хочет избавиться от навязываемой им опеки, осуждаемой либерализации. Книга показывает, что опека эта отнюдь не бескорыстная. За ней скрывается тенденция к утверждению своего господства, желание подхватить добычу, высказывающуюся в виде «старых колониальных держав — Англии и Франции», как называет их Пайла. И вместе с тем в многочисленных описаниях эпизодов вьетнамской войны настойчиво звучит мысль о том, что пора человечеству прекратить кровавые жестокости милитаризма. «Я ненавижу войну», — говорит Фаулер в одном месте романа, и мы чувствуем, что он выражает не только свой взгляд, но и мысль автора.

Остатке нас в покое, не навязывайте к нам со своими жизнями лозунгами о «спасении цивилизации» и «западной демократии», предоставляйте отдельным людям и целым народам самим решать свою судьбу — вот те идеи, которые составляют пафос романа Грина.

Его книга свидетельствует о том, что в среде буржуазной интеллигенции растет понимание неизбежности для каждого решить вопрос — ва мир он или за войну, за свободное развитие народов или за сохранение господства одних стран над другими? Грин решает этот вопрос со своих позиций — как англичанин, как католик, как человек, далекий от социализма, наконец, как художник, и решает определенным образом, в пользу гуманных идей мира.

Уважаемый товарищ редактор! Прошу Вас через «Литературную газету» выразить мою сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня по случаю моего шестидесятилетия и присвоившие мне почетное звание народного писателя Белорусской ССР.

Квадрат КРАПИВА

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, И. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).

В НОЯБРЕ 1954 года американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт» опубликовал карту с надписью «Безопасность США поставлена на карту в Исландии». Однако сама карта наглядно показывала, что речь шла не об обеспечении «безопасности США», а о возможности осуществления ими агрессивных планов. Ириная черная линия, переброшенная из Вашингтона через Исландию на Москву, обозначала маршрут планируемого воздушного нападения на Советский Союз.

Но, расплывшаяся дотоплива Исландия, как «базы для операций американских бомбардировщиков и заправочных станций всего лишь в двух тысячах миль от Москвы», журнал в то же время жаловался на «почти всеобщее чувство негодования по поводу пребывания иностранных (читай: американских — О. В.) войск в Исландии».

И вот прошло полтора года. За это время и подписание исландцев вынуждено в конкретные формы. 28 марта парламент — исландский парламент — большинством голосов принял резолюцию, требующую пересмотра договора с США от 5 мая 1951 года. В решении исландского парламента говорится: «...создавшееся положение должно быть немедленно пересмотрено с тем, чтобы иностранные воиры покинули страну и исландцы сами взяли на себя содержание оборонных сооружений... Если по вопросу об этом изменении не будет достигнуто единство мнений, договор, в соответствии с его седьмым параграфом, должен быть отменен».

Перед нами — свежий номер «Юнайтед Стейтс Ньюс» со статьей, посвященной исландским делам. Нет, это не статья, а вопль узловой агрессивной души. «Если Соединенные Штаты потеряют свою базу в Исландии», — пишет журнал, — то тем самым они потеряют «потенциальную базу для бомбардировки, находящуюся в трех часах полета от Москвы». Предельно откровенно!

Но американский журнал встревожен и другим. Он боится, что примеру Исландии могут последовать и другие страны — участницы Северо-атлантического блока, на территории которых находятся американские базы. «Как военные, так и дипломатические представители», — пишет журнал, — заявляют об опасности того, что примеру Исландии могут последовать и другие страны... Определенная опасность существует в Норвегии и Дании, где пребывание вооруженных сил Соединенных Штатов считается нежелательным... Примеру Исландии могут последовать в Марокко, Ливии, на Среднем Востоке и таким образом заставить Соединенные Штаты уйти и с других авиабаз. Могут даже прорваться скрытые английские стремления избавиться от американских летчиков».

Таким образом, журнал не считает события в Исландии изолированным явлением. И в этом он безусловно прав. Во многих странах растет недовольство милитаристской системой Северо-атлантического блока, и решение исландского

Когда доллары бессильны

«Юнайтед Стейтс Ньюс» видит источник неприятностей, постигших Пентагон, в успехах «красной стратегии». Нетрудно догадаться, что имеет в виду журнал. Об этом хорошо сказала буржуазная финская газета «Хельсингин саномат». Она указывает, что Советское правительство, ликвидировав свою базу на финской территории Порккала-Удла, тем самым ясно предложило США последовать такому примеру. Теперь, заявляет «Хельсингин саномат», такое требование предъявлено США со стороны государства, входящего в НАТО. Советская дипломатия добилась победы, — подытоживает финская газета.

Что же делать? Как удержать базу в Исландии, — этим и озабочен «Юнайтед Стейтс Ньюс». Неподдающийся в своем цинизме журнал предлагает подкупить исландцев. Не считая даже нужным приобрести к завуалированным намекам, он прямо пишет: «Важным фактором в вопросе о том, сохранят ли Соединенные Штаты свою базу в Исландии, могут оказаться деньги». Но тут же сам журнал пишет, что золото, по всей вероятности, окажется бессильным. «Должностные лица Соединенных Штатов», — читаем мы в журнале, — обнаруживают, что многие в Исландии не считают за благо приток американских денег».

Итак, «Юнайтед Стейтс Ньюс» вынужден с тоской признать горькую для себя истину: долларами нельзя заставить замолчать народ, требующий уважения его независимости.

О. ВАСИЛЬЕВ

альтига — одно из проявлений этого.

«Юнайтед Стейтс Ньюс» видит источник неприятностей, постигших Пентагон, в успехах «красной стратегии». Нетрудно догадаться, что имеет в виду журнал. Об этом хорошо сказала буржуазная финская газета «Хельсингин саномат». Она указывает, что Советское правительство, ликвидировав свою базу на финской территории Порккала-Удла, тем самым ясно предложило США последовать такому примеру. Теперь, заявляет «Хельсингин саномат», такое требование предъявлено США со стороны государства, входящего в НАТО. Советская дипломатия добилась победы, — подытоживает финская газета.

Что же делать? Как удержать базу в Исландии, — этим и озабочен «Юнайтед Стейтс Ньюс». Неподдающийся в своем цинизме журнал предлагает подкупить исландцев. Не считая даже нужным приобрести к завуалированным намекам, он прямо пишет: «Важным фактором в вопросе о том, сохранят ли Соединенные Штаты свою базу в Исландии, могут оказаться деньги». Но тут же сам журнал пишет, что золото, по всей вероятности, окажется бессильным. «Должностные лица Соединенных Штатов», — читаем мы в журнале, — обнаруживают, что многие в Исландии не считают за благо приток американских денег».

Итак, «Юнайтед Стейтс Ньюс» вынужден с тоской признать горькую для себя истину: долларами нельзя заставить замолчать народ, требующий уважения его независимости.

О. ВАСИЛЬЕВ

О. ВАСИЛЬЕВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

Среди современных английских писателей Грэм Грин — один из наиболее даровитых прозаиков. Ему сейчас 52 года. Литературную деятельность он начал еще в 20-х годах и с тех пор опубликовал много романов: «Человек внутри», «Название действия», «Ночной слух», «Стамбульский поезд», «Ружья в яме», «Сила и слава», «Брайтонская скала» и другие. Его перу принадлежат также сборники рассказов и несколько книг путевых впечатлений.

Грэм Грин — талантливый мастер слова, тонкий психолог и аниматорный рассказчик. Но искусство его неест на себе ясную печать того идейного кризиса, который характеризует современную буржуазную литературу. Декадентские мотивы занимают значительное место в его творчестве.

Знакомясь с книгами Грэма Грина, советский читатель как бы попадает в совсем иной, чуждый и во многом непохожий мир. Люди, которых изображает писатель, как правило, ведут беспечное существование. Они мучаются в тисках противоречий, которых не могут решить. Жизнь бросает их, как щепки, по бурному морю, они барахтаются в волнах, и некоторые из них тонут, не зная, стоит ли сожалеть, что кончилась их мучительная и бессмысленная существование.

Грэм Грин любит заглядывать в те углы действительности, которые покрыты мраком, погружаться в духовный мир людей, оказавшихся на самом деле жизни. Картины, создаваемые писателем, безрадостны, но нельзя не отдать ему должного в одном. Он отнюдь не принадлежит к тем, кто убавливает своим искусством. Наоборот, книги Грина бурножат читателей и, во всяком случае, часто говорят ему, что жизнь буржуазного общества отнюдь не столь благополучна, как рисуют ее апологеты этого строя. Вдумчивый читатель не может не увидеть во всех писаниях Грэма Грина безошибочный прием того общественного порядка, который порождает деградацию человека и превращает его жизнь в бессмысленный хаос.

Но сам писатель не считает, что болезни человеческого духа обусловлены социальными причинами. Его исходная точка зрения является как раз обратной: все неудачи жизни имеют своим источник-

«Тихий американец»

А. АНИКСТ

Интересна и композиция романа. Он начинается, как многие детективные вещи, — с финала: найден труп американца Пайла и производится следствие о причинах его убийства. Мы узнаем обо всем из рассказа английского журналиста Фаулера, которого выводят на допрос. Фаулер дает уклончивые ответы следователю, и мы начинаем понимать, что он знает о тайне гибели Пайла. В дни, последовавшие за смертью американца, Фаулер постепенно припоминает различные эпизоды своего общения с ним.

События, описываемые в романе, происходят во Вьетнаме, во время «грязной войны» французских колонизаторов против свободолюбивого вьетнамского народа, борющегося за свою независимость. Фаулер в качестве корреспондента английской газеты посылает отчеты о новостях с фронта, избегая комментариев. Редакция не требует его мнения, он должен лишь сообщать факты. Но у Фаулера есть своя точка зрения. Человек, искусственный в политике, видевший изнанку многих громких событий современности, он понимает, как колонизаторы отнюдь не выступают как поборники демократии и цивилизации, о чем они трубят, оправдывая свою политику. Фаулер видит жестокость колониальных войск, растерзавших мирное население, сжигающих напалом деревни, убивающих женщин, стариков и детей.

Случай сводит английского журналиста с молодым американцем Олденом Пайлом, приехавшим во Вьетнам в составе экономической миссии США. Пайла называет с другом Фаулера. Эти два человека совершенно различны по своему духовному складу. Фаулер не молод, и его жизненный опыт состоит из цепи глубочайших разочарований. Личная жизнь его сложилась несчастливо: с женой он разошелся, но не смог ужиться и с той женщиной, ради которой похоронил себя супружество. В работе он неудачлив. Дальше скромной роли репортера, безжалостно эксплуатируемого своим издателем, он не пошел. Его разочарование в жизни так глубоко, что мысль о смерти кажется ему желанным выходом. Но инстинкт жизни сильнее мрачной меланхолии этого изверженного во всем пиника. Он проявляется в той страсти, которую Фаулер питает в своей любовнице, юной вьетнамской женщине Фуонг. И

хотя между ними пропасть взаимного непонимания, Фуонг — то единственное существо, которое делает для Фаулера желанной жизнь, пробуждает мечту о возможности хотя бы крошечного человеческого счастья.

Олден Пайла не похож на своих шумных, развязных соотечественников. Отсюда и определение его как «тихого американца». Но человек «высоких принципов». Правда, принципы эти почерпнуты из писаний одного легковесного американского публициста, но для Пайла они стали символом веры. Этот «тихий американец» почитает свою семью, он верит, что США — страна истинной демократии, у него есть свои понятия о нравственности. Он серьезен и «положителен» во всем. Влюбившись в Фуонг, он не действует за спиной Фаулера, а прямо заявляет ему, что хочет жениться на Фуонг, и настаивает на том, что делает это для ее же блага. Он спасает своего соперника от верной смерти, и делает это опять-таки во имя принципа порядочности, долга.

Однако, как очень тонко раскрывается в ходе событий, претензия Пайла на нравственную порядочность — лишь прикрытия его глубочайшего эгоизма. И точно так же «бескорыстная» помощь южно-вьетнамским правителям — лишь маска для новой формы колониаторской политики. Пайла одержим идеей «третьей силы», которую он противопоставляет двум борющимся лагерям во Вьетнаме. Становясь ясным, что ставка на эту «третью силу» является просто игрой американских империалистов, стремящихся почитать себе Вьетнам. Мелкими, но точными штрихами характеризуются деятельность «экономической» миссии американцев, с ее непереною большим штатом, занимающимся являю не одной только коммерцией. Пайла тайно ввозит взрывчатые вещества, котормыми он снабжает генерала Тхе, избранного в качестве представителя «третьей силы». Происходит серия таинственных взрывов, жертвами которых становятся мирные граждане, женщины и дети. Фаулер постепенно становится ясно, что разоблачишь банды генерала Тхе своим издателем, он не пошел. Его разочарование в жизни так глубоко, что мысль о смерти кажется ему желанным выходом. Но инстинкт жизни сильнее мрачной меланхолии этого изверженного во всем пиника. Он проявляется в той страсти, которую Фаулер питает в своей любовнице, юной вьетнамской женщине Фуонг. И

хотя между ними пропасть взаимного непонимания, Фуонг — то единственное существо, которое делает для Фаулера желанной жизнь, пробуждает мечту о возможности хотя бы крошечного человеческого счастья.

Олден Пайла не похож на своих шумных, развязных соотечественников. Отсюда и определение его как «тихого американца». Но человек «высоких принципов». Правда, принципы эти почерпнуты из писаний одного легковесного американского публициста, но для Пайла они стали символом веры. Этот «тихий американец» почитает свою семью, он верит, что США — страна истинной демократии, у него есть свои понятия о нравственности. Он серьезен и «положителен» во всем. Влюбившись в Фуонг, он не действует за спиной Фаулера, а прямо заявляет ему, что хочет жениться на Фуонг, и настаивает на том, что делает это для ее же блага. Он спасает своего соперника от верной смерти, и делает это опять-таки во имя принципа порядочности, долга.

Однако, как очень тонко раскрывается в ходе событий, претензия Пайла на нравственную порядочность — лишь прикрытия его глубочайшего эгоизма. И точно так же «бескорыстная» помощь южно-вьетнамским правителям — лишь маска для новой формы колониаторской политики. Пайла одержим идеей «третьей силы», которую он противопоставляет двум борющимся лагерям во Вьетнаме. Становясь ясным, что ставка на эту «третью силу» является просто игрой американских империалистов, стремящихся почитать себе Вьетнам. Мелкими, но точными штрихами характеризуются деятельность «экономической» миссии американцев, с ее непереною большим штатом, занимающимся являю не одной только коммерцией. Пайла тайно ввозит взрывчатые вещества, котормыми он снабжает генерала Тхе, избранного в качестве представителя «третьей силы». Происходит серия таинственных взрывов, жертвами которых становятся мирные граждане, женщины и дети. Фаулер постепенно становится ясно, что разоблачишь банды генерала Тхе своим издателем, он не пошел. Его разочарование в жизни так глубоко, что мысль о смерти кажется ему желанным выходом. Но инстинкт жизни сильнее мрачной меланхолии этого изверженного во всем пиника. Он проявляется в той страсти, которую Фаулер питает в своей любовнице, юной вьетнамской женщине Фуонг. И

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — внутренней связи — К 4-84-28, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54).

Москва, Литгазета. Телефон: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературная газета», Москва И-51, Цветной бульвар, 30